

**СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В АВТОРСКИХ РЕМАРКАХ ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА:
СРАВНЕНИЕ РУССКОГО ОРИГИНАЛА И ШВЕДСКОГО ПЕРЕВОДА**

Дипломная работа
Университет г. Ювяскюля
Кафедра русского языка
Весна 2000

Маарит Лёф

Tiedekunta HUMANISTINEN	Laitos Venäjän kielen laitos
Tekijä Löf Maarit	
Työn nimi Yhdysvirke Anton Tšehovin näytelmien parenteeseissa: vertailua venäjänkielisten alkuperäisteosten ja ruotsinkielisten käänösten välillä (Složnoe predloženie v avtorskih remarkah p'es A. P. Čehova: sravnenie russkogo originala i švedskogo perevoda)	
Oppiaine Venäjän kieli ja kirjallisuus	
Aika keväät 2000	Sivumäärä 106 + 5
Tiivistelmä – Abstract	
Tutkimuksen tavoitteena on selvittää Anton Tšehovin näytelmien parenteesien virkerakenne sekä vertailla niitä Jarl Hemmerin ruotsinkielisiin käänöksiin. Selvitämme Tšehovin parenteesien syntaktiset piirteet ja pohdimme, kenelle näytelmä on kirjoitettu: ainoastaanko teatterin tarpeita varten, vai onko kohderyhmänä ollut näytelmän lukija.	
Toisena lähtökohtana on tutkia, kuinka hyvin kääntäjä säilyttää Tšehovin parenteesien tyylin ja virkertymin. Pohdimme, onko kääntäjän sisäinen käsitys näytelmän funktiosta sama kuin alkuperäistekstien kirjoittajalla ja millaisten kielellisten eroavaisuuksien eteen kääntäjä on joutunut sekä kuinka ruotsin kielen erityispiirteet näkyvät käänöksissä.	
Materiaalina tutkimuksessa ovat Anton Tšehovin näytelmät Три сестры (Tri sestry, 1901), Вишневый сад (Višnevyy sad, 1904), Дядя Ваня (Djadja Vanja, 1899?), Чайка (Čajka, 1896) sekä niiden Jarl Hemmerin kirjoittamat ruotsinnokset vuodelta 1928. Tutkimus on pääasiassa määritellinen, mutta tuloksia analysoidaan myös laadullisesta näkökulmasta. Virkerakenne selvitetään laskemalla sanamäärien keskiarvo, keskihajonta sekä variaatioväli. Lisäksi selvitetään virkkeiden kompleksisuus. Kompleksisuuden määrittelemiseksi aineisto koodataan teoriaan pohjautuen ja kun on saatu selville kunkin rakenteen yleisyys, lasketaan lopuksi niiden prosentiosuudet suhteessa muihin rakenteisiin.	
Tutkimustulokset osoittavat, että Tšehovin näytelmien parenteesien virkerakenne on yksinkertainen ja virkeet keskimäärin lyhyitä. Parenteeseissa heijastuvat muut Tšehovin kielelle tyypilliset piirteet muutamia poikkeuksia lukuun ottamatta. Parenteesien virkerakenne on lisäksi rikkonainen, minkä johdosta päättelimme Tšehovin kirjoittaneen näytelmät lähinnä teatterin tarpeita varten.	
Kääntäjä on työssään pääosin säilyttänyt Tšehovin tyylin ja alkuperäistekstien virkerakenteet. Esimerkiksi välimerkkien suhteen hän ei ole tehnyt suuria muutoksia. Kuitenkin osoittautui, että käänösten parenteesien virkerakenne ei ole yhtä rikkonainen kuin alkuperäistekstien, ja että niiden luettavuus on parempi kuin Tšehovin virkkeiden. Tästä päättelimme, että Jarl Hemmerin tavoitteena on ollut kääntää näytelmät niiden lukijoita varten, ei ainoastaan teatterin tarpeita varten. Vertaillessamme käänöksiä havaitsimme mm., että ruotsin virkeet ovat keskimäärin pidempiä, mutta yksinkertaisempia kuin venäjän. Lisäksi löysimme muutamia muita kielten välisiä erityispiirteitä.	
Asiasanat näytelmät, parenteesit, ruotsin kieli, syntaksi, Tšehovin tyyli, virkerakenne, venäjän kieli, vertaileva tutkimus	
Säilytyspaikka	
Muita tietoja	

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	5
2 СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ	9
2.1 Простое и сложное предложение	9
2.2 Классификация сложных предложений	12
2.2.1 Виды сложных предложений по основным средством связи	13
2.2.2 Бессоюзное предложение	15
2.2.3 Сложносочиненное предложение	16
2.2.4 Сложноподчиненное предложение	17
2.2.5 Сложная синтаксическая конструкция	22
2.3 О правилах употребления знаков препинания	24
2.4 О длине предложений	27
3 СТИЛЬ АВТОРСКИХ РЕМАРОК А. П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОД НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК	32
3.1 Функция и язык авторских ремарок	33
3.2 О синтаксисе А. П. Чехова	35
3.3 О переводе пьес	39
4 ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	44
4.1 Материал исследования	44
4.2 Методы исследования	46
4.2.1 Длина предложений	46
4.2.2 Комплексность предложений	48
3 АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АВТОРСКИХ РЕМАРОК ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА	52
5.1 Синтаксическая структура авторских ремарок пьес А. П. Чехова	52
5.1.1 Оформление и состав авторских ремарок пьес А. П. Чехова	52
5.1.2 Длина предложений	54
5.1.3 Комплексность предложений	56
5.1.4 Знаки препинания	65

5.2	Синтаксическая структура переводов авторских ремарок пьес А. П. Чехова	67
5.21	Оформление и состав переводов авторских ремарок пьес А. П. Чехова	67
5.22	Длина предложений	70
5.23	Комплексность предложений	79
5.24	Знаки препинания	91
6	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	95
ИСТОЧНИКИ		101
ЛИТЕРАТУРА		101
ПРИЛОЖЕНИЯ		107
Таблица 22	Количество слов предложений в русском языке	107
Таблица 23	Количество слов предложений в шведском языке	107
Таблица 24	Количество слов простых предложений в русском Языке	108
Таблица 25	Количество слов простых предложений в шведском Языке	108
Таблица 26	Количество слов сложных предложений в русском Языке	108
Таблица 27	Количество слов сложных предложений в шведском языке	109
Таблица 28	Количество слов предикативных частей сложных предложений в русском языке	109
Таблица 29	Количество слов предикативных частей сложных предложений в шведском языке	109
Таблица 30	Количество предикативных частей в сложных предложениях в русском языке	110
Таблица 31	Количество предикативных частей в сложных предложениях в шведском языке	110
Таблица 32	Комплексность предложений в русском языке	110
Таблица 33	Комплексность предложений в шведском языке	111
Таблица 34	Придаточные предложения в русском языке	111
Таблица 35	Придаточные предложения в шведском языке	111

1 ВВЕДЕНИЕ

У драмы две задачи. Ее не только играют в театре, но и читают как литературное произведение. При этом у авторских ремарок важная функция внутри диалога и монолога, так как их стиль влияет на внутреннее представление читателя о функции произведения. Если авторские комментарии относительно длинные и прозаически написаны, чтение пьесы удобно. Такими являются, например, авторские ремарки Фридриха Дюрренматта. Однако, если ремарки очень короткие и мало описательные, читателю кажется, что он не получает достаточно информации о событиях пьесы. Чтение драмы не является эстетическим наслаждением, так как авторские ремарки кажутся списком.

Хотя функция авторских ремарок в пьесах важная, они мало изучены. Особенно без внимания остался их язык. Поэтому мы чувствуем потребность выяснить их структуру. Нами была выбрана синтаксическая структура, поскольку ее варьирование сильно влияет на эмоции во время чтения пьес А. П. Чехова, который является одним из важнейших русских писателей и поскольку его пьесы в театре много ставятся (см. напр. Korhonen 1993, 26). По этой же причине мы выбрали пьесы Чехова: "Три

сестры”, “Вишневый сад”, “Дядя Ваня” и “Чайка”. Это наиболее известные пьесы Чехова. Кроме того, они нам знакомы.

Другой аспект данной дипломной работы — сравнение русского и шведского синтаксиса. Мы заметили, что шведская культура письма различная, чем русская: на шведском языке пишется проще, чем на русском языке. Исходя из этого, мы сделали вывод, что особенности шведского языка каким-то образом проявляются в переводах и предполагаем, что синтаксическая структура авторских ремарок шведских переводов проще структуры русских оригиналов. В переводах меньше предикативных частей и предложения в общем короче предложений русских авторских ремарок. Более того, мы предполагаем, что в употреблении знаков препинания существуют различия.

Шведские переводы написаны Ярлом Хеммером. Он выбран, потому, что его переводы важнейшие и старейшие (Jänis 1991, 233) и, таким образом, синтаксические структуры с точки зрения времени (см. с. 28-29) близки к оригиналу. Было бы интересно исследовать и разные перевода пьес на шведский язык, поскольку пьесы быстро устаревают. Однако, такие проблемы в этом исследовании не затрагиваются.

Эти две отправные точки составляют основу нашего исследования. С одной стороны, нас интересует синтаксическая структура авторских ремарок пьес А. П. Чехова, и, с другой стороны, мы попытаемся объяснить влияние перевода на них. Каков стиль авторских ремарок и стиль Чехова и как шведский язык и переводчик проявляются в шведских текстах? Соответствуют ли синтаксические структуры в обоих языках и какие различия существуют в русском и шведском синтаксисе? Почти все эти проблемы еще мало изучены, как мы видим в теории данной работы. Только язык А. П. Чехова довольно полно проанализирован. Однако, отсутствие исследовательских данных только пробуждает интерес к нашим проблемам.

Проблемы данного исследования будут освещены при помощи квантитативного и квалитативного анализа. В основном, мы будем употреблять количественный метод, так как он является основой стилистических исследований (Särkilahti 1977, 2). Благодаря данным о

количество слов и о процентном распределении предложений мы получим информацию, с одной стороны, о стиле авторских ремарок А. П. Чехова и, с другой стороны, о различиях синтаксических структур русского оригинала и шведского перевода. Чтобы получить процентное распределение предложений необходимо выбрать переменные величины и на основании их кодировать все предложения материала. Переменные величины основываются на классификации сложных предложений, которая представлена в разделе 2.2.

Однако, статистические методы не всегда подходят, когда объектом исследования являются также различия двух языков. Без качественных методов мы не можем анализировать причины различия русского и шведского языков. Тот же самый метод используется также в анализе знаков препинания. Точнее проведение исследования представлено в главе 4.

Данная работа представляет собой анализ поверхностных конструкций и, вследствие этого, не посвящена семантике. На практике это видно в определении предложения и в классификации сложных предложений: предложения определяются графически, или, другими словами, предложения разделяются в основном знаками препинания (точнее см. с 10). В классификации сложных предложений устранимение семантики выражается, например, в том, что бессоюзные предложения и сложноподчиненные предложения не выделяются в подгруппы.

Данная дипломная работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении дается обоснование выбора темы и кратко опускаются принципы и методы исследования. Более того, мы кратко представляем структуру работы. Во второй и третьей главах представлен теорический фон и в четвертой главе методы исследования. В пятой главе даются результаты анализа и наконец, в заключении излагаются основные результаты и подводятся выводы исследования.

Теория данной работы состоит из двух частей. Первая часть является грамматической основой исследования. В ней дается основа для кодирования квантитативного анализа. Мы определяем основные термины и представляем классификацию сложных предложений. Здесь необходимо подчеркнуть, что простые предложения не выделяются в подгруппы, а только

сложные предложения. Их классификация основывается, в первую очередь, на русской грамматике Розенталя, Голуба и Теленковой (1994) и Крючкова & Максимова (1969). Все же, так как в данной работе сравнивается русский и шведский языки, необходимо переработать ее так, что она лучше подходит к анализу и шведского языка. Безусловно, в теории мы сравниваем русский и шведский языки. При этом проблемы составляют эквиваленты предложения и обособленные обороты, поскольку они не соответствуют друг другу (см. с. 10-12). В конце первой части теории кратко рассматриваются употребление знаков препинания и длина предложений в обоих языках.

Вторая часть теории больше обсуждает факторы, влияющие на стиль авторских ремарок Чехова и их переводы. Она состоит из трех частей, в которых кратко освещаются функция и язык авторских ремарок, синтаксическая структура авторских ремарок пьес А. П. Чехова и, наконец, перевод пьес. К сожалению, надо отметить, что многие интересующие нас проблемы, например, перевод авторских комментариев, мало изучены. Исходя из этого, необходимо довольствоваться только данными, которые мы нашли. В последней части рассматривается перевод пьес. Так как теория перевода — обширная область, невозможно знакомиться с ней глубоко и вследствие этого, мы концентрируемся только на переводе пьес.

Результаты исследования представлены в пятой главе. В первой части освещен стиль авторских ремарок пьес А. П. Чехова и во второй влияние перевода на синтаксические структуры авторских комментариев. В обоих разделах мы рассматриваем проблемы нашего исследования с точки зрения длины и комплекстности предложений. Кроме этого, мы попытаемся найти различия русского и шведского языка при помощи качественного метода. Более того, мы будем кратко затрагивать и употребление знаков препинания в обоих языках.

2 СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И ШВЕДСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 Простое и сложное предложение

Основные понятия в нашей работе — это простое предложение (в шведском языке употребляется термин ‘enkel sats’) и сложное предложение (‘sammansatt sats’). Кроме этого в работе мы употребляем термин предложение (‘mening’), являющееся базовым понятием для простых и сложных предложений.

Вообще простое предложение определяется на основе предикативности: каждое простое предложение имеет предикативную основу, организуемую несколькими (обычно двумя) формами слов, находящимися друг с другом в определенных синтаксических отношениях (Русская грамматика 11 1980, 85; Краткая русская грамматика 1989, 408; Jörgensen & Svensson 1987, 85). Более того, простое предложение является основной единицей в формировании сложного предложения (Русская грамматика 11 1980, 7).

Именно это также является различием простого и сложного предложения: простое предложение заключает в себе одну предикативную единицу, а сложное две или больше (Розенталь и др. 1994, 469).

Ссылаясь на Д. Н. Шмелева, Н. И. Формановская (1978, 4) отметила, что критерии предложения как научного синтаксического понятия устанавливаются в зависимости от задач данного синтаксического исследования (Формановская 1978, 4). В связи с этим мы обратили внимание на то, что определение простого и сложного предложения слишком абстрактное. Исходя из того, что наше исследование является анализом письменного текста, необходимо обозначить конкретные термины, часто употребляемые в шведском языкоznании: графическое простое предложение, графическое сложное предложение и графическое предложение (Jörgensen & Svensson 1987, 158; Lindberg 1980, 141; Thorell 1982, 276). Под термином "графическое сложное предложение" в настоящей работе понимаются слова, находящиеся между двумя точками (или вопросительными или восклицательными знаками) и под термином "графическое простое предложение" — предикативные части сложных предложений, соединяющиеся союзами, союзовыми словами или знаками препинания; залытыми, двоеточиями, точками с залятой или тире.

Итак, принцип анализа сложных предложений таков, что союзы, союзные слова или залятые, двоеточия и точки с залятой разделяют предложения. Исключениями из этого являются, во-первых, явно соединительные определения, подлежащие и прямые дополнения без определения, как например, (I) *Сбоку площадки, в тени старой липы, сидят на скамье Аркадина. Дорн и Маша.* (Ч., 31) и во-вторых, обособленные обороты и эквиваленты предложения, классифицируемые нами как придаточные предложения и, таким образом, содержащие союз или союзное слово.

Одна из сложностей в русском языке — обособленные обороты а в шведском — эквиваленты предложения ‘*satsförförkortningar*’. В данной работе употребляются разные термины, так как обособленные обороты и эквиваленты предложения полностью не соответствуют друг другу в русском

и шведском языках. Улф Телеман (Teleman 1974, 192) характеризирует такие конструкции как близкие к предложениям, точнее говоря, мы можем считать их предикативными частями сложных предложений. Однако, например, у Т. П. Ломтева (Биренбаум 1982, 50) другая точка зрения: «*сложное предложение остается сложным до тех пор, пока в него входят разные предложения; как только одно из них перестает быть предложением, сложное предложение перестает быть сложным*». Таким образом предложение: (2) *он читал газеты, которые были получены вчера вечером* — сложное предложение, а предложение: (3) *он читал газеты, полученные вчера вечером* — простое предложение.

Так как для стиля авторских ремарок А. П. Чехова характерны короткие предложения, а также из-за того, что в данной работе анализируются именно графические предложения в написанном тексте, мы не соглашаемся с Ломтевым и определяем обособленные обороты и эквиваленты предложения самостоятельными предикативными частями сложных предложений. Это касается также вводных и вставных и конструкции в русских предложениях. В шведских же переводах ‘annex’, отвечают вставным и вводным конструкциям в русском языке. Все же, необходимо заметить, что безусловно нельзя считать термины обособленные обороты — эквиваленты предложения и вставные и вводные конструкции — ‘annex’ идентичными, а надо помнить, что эти термины варьируются от языка к языку. Более того, также обращения и междометия в обоих языках являются самостоятельными предикативными конструкциями, если они отделены залятой.

Итак, обособленные обороты и эквиваленты предложения всегда связаны с определенным языком. Ввиду этого, в сравнительном анализе они проблематичны, так как единую систему невозможно использовать. Однако, проблемы появляются также внутри языков, так как исследователи определяют обособленные обороты и эквиваленты предложения по-разному. Чтобы упростить задачу, мы будем употреблять в шведской части классификацию Йёргенсона & Свенссона (Jørgensen & Svensson 1987, 118-126), а в русской части анализа мы будем определять как обособленные обороты причастные, деепричастные и адъективные обороты. Эти классификации были

выбраны, с одной стороны, потому, что они достаточно ясны и не заключают в себе для данной работы слишком много подробностей, а, с другой стороны, эти конструкции явно подчинительные. Отсюда вытекает, что, с нашей точки зрения, например, следующее предложение сложное: (4) *De beslöt att gå hem.*

Исследователи неоднозначны во взгляде на предложения с двумя или более сочинительными сказуемыми и только с одним подлежащим. Некоторые, например Йёргенсен и Свенссон (Jørgensen & Svensson 1987, 132-133) считают, что сочинительные сказуемые — это одно "комбинированное" простое предложение ('sammandragna satser'), а некоторые (Hakulinen, Karlsson & Vilkuna 1980, 10-11) считают, что это одно сложное предложение с двумя предикативными частями. Даже возможно, что такие предложения считаются эквивалентами предложений (Teleman 1974, 193, 195). В данной дипломной работе мы соглашаемся с Хакулиnen и др. и определяем сочинительные сказуемые самосостоятельными предикативными частями.

2.2 Классификация сложных предложений

Чтобы сделать возможным анализ языковых структур нам необходимо разделить их по классам. При этом важно ознакомиться с разными грамматиками: ведь возможно, что разные научные школы имеют расхождения во мнениях. В связи с этим мы также старались найти различные возможности для этой работы. В работе рассматриваются только русский и шведский язык и поэтому мы употребили русские и шведские грамматики.

Наша цель — найти классификацию не только главных или придаточных предложений, но также бессоюзных предложений и предложений, состоящих из главных и придаточных частей. Однако, видимо, шведские исследователи не интересуются темой сложных предложений, так как мы смогли найти классификации только в русских грамматиках, точнее говоря, в грамматиках В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова (1981, 244-245)

и Розенталя и др. (1994, 524-525). Из них мы выбрали последнюю, потому что она яснее других и не разделяет бессоюзную связь на подгруппы, как это делают Бабайцева и Максимова.

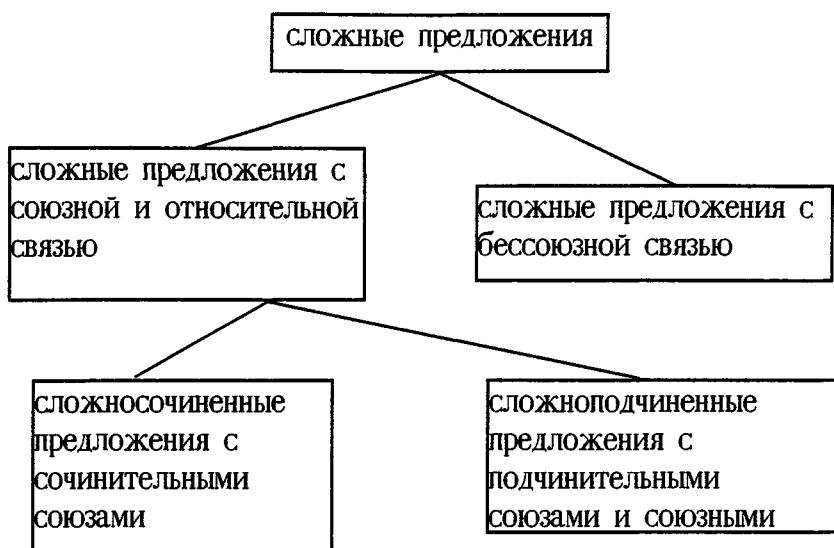
Разумеется, также в шведских грамматиках немного лишется о сложных предложениях, в которых предложения соединены более чем одним видом связи. Например, в моделях Эбба Линдберг (Lindberg 1980, 233-234) и Улф Телеман (Teleman 1974, 31-36) существуют сложные предложения и с сочинительной и с подчинительной связью. Однако, никаких классификаций в их работах нет.

Хотя мы в анализе в принципе употребляем только модель Розенталя, нельзя забывать и других исследователей: многие, и русские и шведские языковеды, сообщают полезные данные о сочинении, подчинении и бессоюзии. Особенно нам нужны шведские грамматики и русская работа Крючкова и Максимова (1969), откуда мы копировали схему 1 на странице 14.

Когда мы сравниваем русский и шведский язык, важно, что сравнение основывается на общей модели. В силу этого будем употреблять эту самую систему также при анализе шведских сложных предложений, если это возможно. Если нет, то необходимо пойти на компромисс. Может быть, самой большой проблемой является бессоюзие, которое будет рассмотрено в разделе 2.2.2.

2.2.1 Виды сложных предложений по основным средствам связи

Классификация сложных предложений основывается на русской грамматике Д. Е. Розенталя и др. (1994). Вначале мы, все же, рассмотрим, как сложные предложения выделяются по связи. Следующая схема из книги Крючкова и Максимова (1969, 7-9), однако та же самая схема существует также в работах Воробьевой, Панюшевой и Толстого (1975, 110-112).

Как показано на схеме 1, предикативные части, входящие в состав сложного предложения, соединяются друг с другом двумя основными способами: 1) при помощи союзов или союзных слов, которыми являются относительные местоимения и местоименные наречия и 2) без союзов или союзных слов, при помощи только интонации, соотношения форм сказуемых и других средств. На этой основе сложные предложения делятся на две группы: 1) сложные предложения с союзной и относительной связью и 2) сложные предложения с бессоюзной связью.

Это деление касается, в данной работе также и шведских предложений. Небольшое различие между этими двумя языками в том, как союзы и союзные слова выделяются в шведском языке. Точнее говоря, согласно Тхореллу (Thorell 1982, 180, 184) и Йёргенсену и Свенссону (Jørgensen & Svensson 1987, 39-40) шведские простые предложения соединяются при помощи ‘subjunktion’, отвечающих подчинительным союзам русского языка и ‘konjunktion’, отвечающих сочинительным союзам. Далее, кроме союзов Тхорелл (Thorell 1982, 184) упоминает ‘konjunktionella adverb’, которые близки к местоименным наречиям русского языка. Кроме того, в

обоих языках возможны союзы или союзные слова, формирующиеся из двух слов (Бабайцева & Максимов 1981, 204; Thorell 1982, 180).

Согласно схеме 1, сложные союзные предложения, в свою очередь, делятся на две подгруппы: сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. При соединении синтаксически равноправные предикативные части соединяются сочинительными союзами (в шведском языке с ‘konjunktion’ или ‘konjunktionella adverb’, а при подчинении, соответственно подчинительными союзами или союзовыми словами (в шведских предложениях ‘subjunktion’), где одна или несколько частей синтаксически подчинены другому. (Крючков & Максимов 1969, 8, 9; Розенталь и др. 1994, 472; Lindberg 1980, 125; Jörgensen & Svensson 1987, 107.)

2.2.2 Бессоюзное предложение

Сложное предложение, предикативные части которого связаны по смыслу и строению, интонационно, а также соединены без помощи союзов или союзных слов, называется бессоюзовным сложным предложением (Розенталь и др. 1994, 518).

Как и сложные предложения с союзной и относительной связью, так и бессоюзные предложения классифицировались некоторыми учеными на подгруппы. Так, например, Д. Е. Розенталь и др. (1994, 518) пишет о бессоюзных сложных предложениях однородного и неоднородного состава. Термины, все же, неустоявшиеся — С. Е. Крючков и Л. Ю. Максимов (1969, 9) употребляют термины: сложные бессоюзные сочиненные и подчиненные предложения. Более того, классификация бессоюзных сложных предложений не всегда основывается на том же самом принципе: например, Краткая русская грамматика (1989, 612-613) говорит о сочетании с двух- и односторонним отношением частей. В заключение, Е. Н. Ширяев (1986, 14) ставит вопрос о том, можно ли бессоюзные сложные предложения дифференцировать на сочинительные и подчинительные.

Как мы уже заметили выше, бессоюзие является проблемой при сравнении русского и шведского языков. Точнее говоря, проблема в том, что

бессоюзие вообще не отмечается в шведских грамматиках и, если отмечается, не классифицируется в особую группу. Все же, бессоюзие возможно также и в шведских сложных предложениях (Teleman, Hellberg & Andersson 1999, 439, 833). Далее, согласно Телеману (Teleman et al. 1999, 438), бессоюзие в шведском языке считается сочинительной связью, а не подчинительной. Это объясняется тем, что в шведском языке между главным и придаточным предложением точки часто не ставятся (Thorell 1982, 236). Как мы выше уже заметили, в русском языке возможны сочинительные и подчинительные бессоюзные связи. Однако, также в русской грамматике сложносочиненное предложение считается ближе к бессоюзию (Русская грамматика II 1980, 464).

Выше мы также обратили внимание на то, что классификация бессоюзных сложных предложений на разные группы очень смешанная. Вследствие этого и потому, что для анализа бессоюзных предложений необходимо понять семантику предикативных частей, мы не будем рассматривать их подробнее, а будем концентрироваться на различных способах выражения сложных предложений с союзной и относительной связью, иначе говоря, в этой работе существует только одна категория бессоюзия.

2.2.3 Сложносочиненное предложение

Как уже говорилось, части сложносочиненного предложения связываются сочинительными союзами. Во многих, и в русских и шведских, грамматиках такие предложения делятся на семантическо-структурные группы: сочинительные союзы выражают, в частности, соединительные, противительные и разделительные отношения. (см. напр. Розенталь и др. 1994, 480-485; Бабайчева & Максимов 1981, 188-196; Lindberg 1980, 126-129).

Согласно Розенталю и др. (1994, 479-480) сложносочиненные предложения делятся в русском языке на сложносочиненные предложения открытой и закрытой структуры и на предложения однотипные и разного

типа. Однако, из-за того, что таких категорий в шведских грамматиках нет, мы не будем обращать на это внимания.

С нашей точки зрения важнее другое разделение. Сложносочиненные предложения могут быть и дву-, и многочленными, другими словами, состоять из двух, трех, и т. д. частей (Розенталь и др. 1994, 479). Хотя сложносочиненные предложения в принципе могут состоять из множества предикативных блоков, как Улф Телеман и др. (Teleman et al. 1999, 833) заметил, на практике количество предикативных частей часто 2, 3 или 4. Чтобы избежать повторения, в начале первой части часто стоит член, являющийся общим для обеих частей и не повторяется после первой предикативной части. Часто это подлежащее, но возможны и другие члены предложения (Крючков & Максимов 1969: 12; Jørgensen & Svensson 1987, 132-134).

Хотя сложносочиненные предложения могут быть и многочленные, надо отметить, что в данной работе такие конструкции часто классифицируются в категории синтаксических конструкций с сочинением и бессоюзной связью. Причина этого в том, что сочинительный союз часто не повторяется. Так, например, следующее сложное предложение в этом исследовании не считается многочленным сложносочиненным предложением, а синтаксическим конструкцией с сочинением и бессоюзной связью: (5) (*Går, öppnar en annan dörr, tittar in och stänger den igen.*) (T.s., 205).

2.2.4 Сложноподчиненное предложение

Как мы уже выше отметили, сложноподчиненным называется сложное предложение, части которого связаны подчинительными союзами или союзными словами. Более того, в сложноподчиненном предложении одна часть синтаксически зависит от другой; зависимая часть называется придаточной (или придаточным предложением; по-шведски ‘*bisats*’), а независимая — главной (или главным предложением; по-шведски ‘*huvudsats*’)(Розенталь и др. 1994, 489; Teleman et al. 1999, 462, 674).

В грамматиках русского и шведского языка придаточные предложения делятся на различные подгруппы (см. напр. Бабайшева & Максимов 1981, 208-235; Jörgensen & Svensson 1987, 107; Thorell 1982, 241-262). С нашей точки зрения интересной является классификация русской грамматики на сложноподчиненные предложения расчлененной (двучленные) и нерасчлененной (одночленные) структуры (Розенталь и др. 1994, 490). Однако, поскольку цель данной работы — сравнение структур сложных предложений в русском и шведском языках, нам необходимо снова пойти на компромисс: классификации шведских придаточных предложений здесь слишком различны и поэтому сравнение невозможно. Разумеется, мы не утверждаем, что такого различия в шведских сложноподчиненных предложениях нет (Thorell 1982, 238-239), а скорее, что классификация шведских подчиненных предложений не основывается на этом принципе. Из-за этого трудно найти достаточно полную классификацию с точки зрения объективности исследования.

С нашей точки зрения интересный принцип для классификации — позиция придаточной части в сложном предложении по отношению к главному. Возможные позиции придаточной части и в русском и в шведском языках 3: после распространяемого слова или главной части, перед ними или в середине главного (Бабайшева & Максимов 1981, 205-207; Thorell 1982, 261). В обоих языках существуют, конечно, свои правила позиционирования, но они нас не интересуют, потому что они варьируются от языка к языку. Мы разделяем только точку зрения Акимовой (1973, 74) и Йёргенссена и Свенссона (Jörgensen & Svensson 1987, 143) о том, что придаточные предложения чаще в постпозиции, потому что более тяжелые части вообще располагаются в конце сложного предложения. Когда придаточное в пре- и интерпозиции оно сокращается. (Акимова 1973, 74; Jörgensson & Svensson 1987, 143.)

Позиция придаточной части, все же, не единственная классификация, интересующая нас, а самое важное и интересное деление придаточных частей, с нашей точки зрения, будет, если в сложноподчиненном предложении более чем одно придаточное предложение. В таком случае выделяются два типа сложноподчиненных предложений: 1. Многочленные предложения с

последовательным подчинением придаточных и 2. Многочленные предложения, с придаточными, относящимися непосредственно к одному главному (Крючков & Максимов 1969, 132, 133; Розенталь и др. 1994, 510, 511). Первый способ подчинения показан на схеме 2.

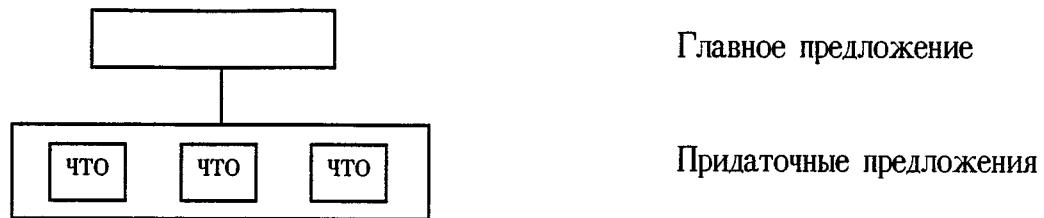
Неожиданная и слишком ранняя смерть Пушкина поразила горестью всех, кто сколько-нибудь любил русскую литературу, которая лишилась величайшего из всех писателей, какие только являлись в ней до того времени.

Jag väntade här, därför att jag visste att du skulle komma hit, innan du reser. (Thorell 1982, 262)

СХЕМА 2 Многочленные предложения с последовательным подчинением придаточных (Розенталь и др. 1994, 511).

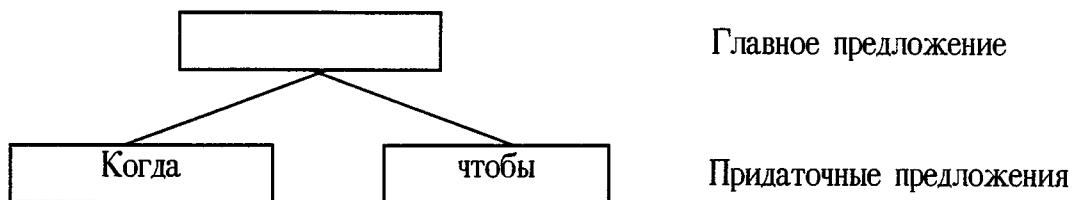
Как мы видим из схемы 2, придаточные предложения образуют как бы цель; первое придаточное относится к главному, второе к первому придаточному, третье ко второму придаточному и т. д. Видно, что модель можно применять не только в сложноподчиненных предложениях русского, но также шведского языка. В этом отношении структуры двух рассматриваемых языков одинаковые.

Второй тип связи обнаруживается в предложениях, в которых все придаточные относятся к главному предложению; кциальному слову или ко всему предложению в целом. При этом Д. Е. Розенталь и др. (1994, 510) различает два подтипа: предложения с однородными или неоднородными придаточными. Ниже схемы (схемы 3 и 4) таких подтипов:

Но кажется, что песня все еще близится, что ей нет и не будет конца.

СХЕМА 3 Однородные придаточные (Розенталь и др. 1994, 510).

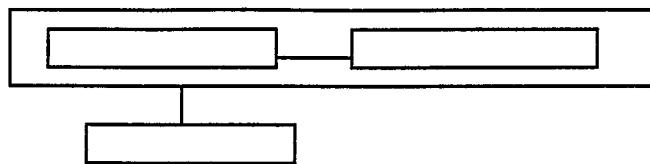
Когда он подбежал к заднему возу, Егорушка напряг свое зрение, чтобы получше рассмотреть его.

СХЕМА 4 Неоднородные придаточные (Розенталь и др. 1994, 510-511).

Разница между этими двумя моделями такова, что в первой модели (схема 3) придаточные предложения между собой сочинительные и одноименные; они относятся к одному и тому же члену главного предложения или к нему в целом. Во второй (схема 4) модели, наоборот, придаточные предложения разноименные и относятся к разным членам главного предложения. (Розенталь и др. 1994, 510.)

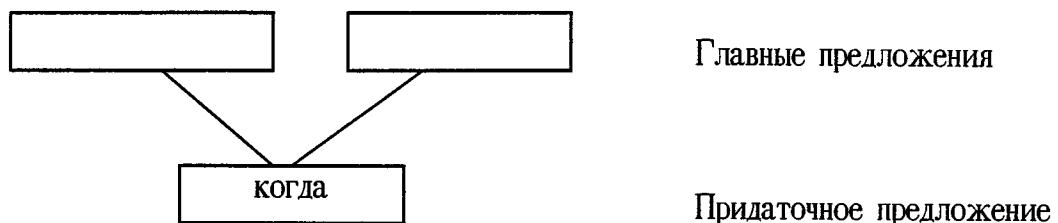
С точки зрения нашей работы такие подтипы являются очень интересными. В сравнении языков не возникает проблем, так как в принципе в шведском языке возможно различать сочинительные, одноименные придаточные предложения и несочинительные, разноименные придаточные предложения (Jörgensen & Svensson 1987, 133). Вопрос лишь в том, нужны ли нам такие подтипы, когда мы анализируем авторские ремарки: ведь они часто короткие и простые. В связи с этим, в данной работе мы не будем различать однородные и неоднородные придаточные предложения.

В заключение мы заметим также, что ситуация не всегда такая простая, как мы выше заметили. В следующих схемах (схема 5 и 6) показано, что ситуация иногда довольно сложная. Схема 6 составлена нами.

Я понял, что машина остановилась, когда начало там мелькать белое пятно света от электрического фонарика.

СХЕМА 5 Разновидность неоднородных предложений (Крючков & Максимов 1969, 136).

Уже совсем рассвело и народ стал подниматься, когда я вернулся в свою Комнату. (Л.Т., Розенталь и др. 1994, 512)

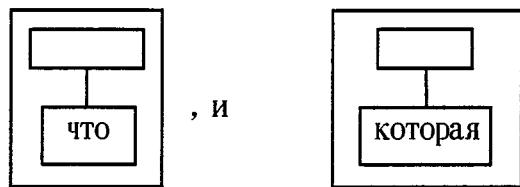
СХЕМА 6 Сложное предложение с придаточным, поясняемым двумя или более главными предложениями

На схеме 5 показана ситуация, подчеркиваемая Крючковым и Максимовым (1969, 136, 137). В этом сложном предложении главный член, к которому относится придаточный член, существует как сочетание главного с другим придаточным. Согласно Розенталю и др. (1994, 512) есть и такие сложные предложения, в которых в одну предикативную часть входят два или более главного предложения. Такие структуры предложений показаны на схеме 6.

В сравнении со шведским языком снова возникают небольшие проблемы: в грамматиках почти ничего не говорится о такого рода конструкциях. Только Олоф Тхорелл (Thorell 1982, 238) пишет, что придаточное предложение может функционировать как придаточная часть главного предложения, состоящего из сочетания главного и придаточного предложения. Случаи, продемонстрированные на схеме 6, наши исследователи не комментируют.

2.2.5 Сложная синтаксическая конструкция

До сих пор мы рассматривали только сложные предложения, состоящие из главных предложений или из одного главного предложения с одной или более придаточной частью. Однако, согласно Розенталю и др. (1994, 523) языковые структуры человека могут иметь также более сложную организацию и включать в себя не только сочинительные, либо подчинительные связи, но и включать обе связи одновременно. Более того, нельзя забывать бессоюзие, являющееся одним из способов связи сложных предложений. Вследствие этого, в одной конструкции могут соединяться сочинение, подчинение и бессоюзие сразу. Такие конструкции называет Д. Е. Розенталь и др. (1994, 523) сложными синтаксическими конструкциями. В грамматике Розенталя (1994, 524-526) представлен еще его подход к классификации таких конструкций. Он рассматривается нами с помощью схем 7, 8, 9 и 10.

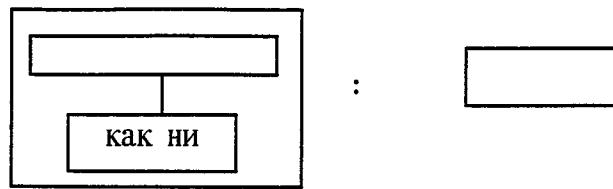
Татьяна Афанасьева подала брату знак, что больная хочет уснуть, и все вышли потихоньку из светлицы, кроме служанки, которая снова села за самопрялку.

СХЕМА 7 Синтаксическая конструкция с сочинением и подчинением (Розенталь и др. 1994 524).

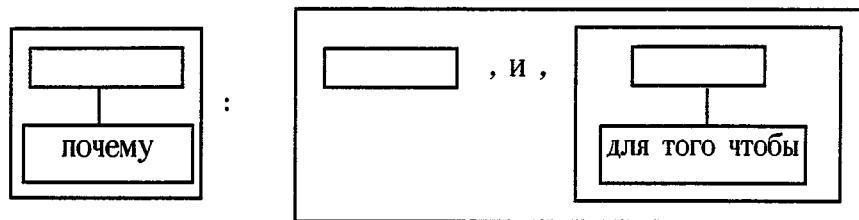
Через час явилась возможность ехать: метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились.

СХЕМА 8 Синтаксическая конструкция с сочинением и бессоюзной связью (Розенталь и др. 1994, 524).

Как ни был он подготовлен, серце екнуло: все-таки большое событие.

СХЕМА 9 Синтаксическая конструкция с подчинением и бессоюзной связью (Розенталь и др. 1994, 525).

И он стал рассказывать, почему не вышло: кругом все уже было заминировано, и, для того чтобы прорваться к Сальского, осталась только узкая полоска в несколько десятков метров с двух сторон железной дороги.

СХЕМА 10 Синтаксическая конструкция с сочинением, подчинением и бессоюзной связью (Розенталь и др. 1994, 525).

На схеме 7 представлена сложная синтаксическая конструкция, состоящая из сочинения и подчинения, на схеме 8 — конструкция, с сочинением и бессоюзной связью. Однако, не только сочинение может выступать вместе с бессоюзием, а также подчинение, как мы видим из схемы 9. Далее, в принципе возможны и конструкции, состоящие из всех этих способов связи: сочинения, подчинения и бессоюзия (схема 10). Все же, наш материал — авторские ремарки А. П. Чехова, мы предполагаем, что такого рода связи встречаются исключительно редко.

Поскольку в данной работе рассматривается одновременно русский и шведский языки, надо еще раз подчеркнуть, что все три категории: сочинение, подчинение и бессоюзие можно считать одинаковыми с русскими соответствиями. Благодаря этому мы будем применять классификацию, рассмотренную нами при анализировании обоих языков.

2.3 О правилах употребления знаков препинания

Знаки препинания помогают читателям "видеть" синтаксические структуры сложных предложений¹. Например, точка — это знак, разграничающий сложные предложения. (Если сложное предложение определяется графически, см. с. 10.) Тем самым знаки препинания образуют ритмический строй произведений. Хотя знаки препинания вообще одинаковы в разных языках, возможно, что их употребляют немного по-разному. Такие различия могут затруднять работу переводчика: он не может всегда переводить слово в слово. В силу этого в данной работе будут рассмотрены следующие вопросы: Какие знаки препинания в русском и шведском языках используются и есть ли различия в их употреблении?

Так как цель работы — сравнивать структуры сложных предложений в русском и шведском языках, мы не будем обращать внимание на выделяющие знаки препинания, не влияющие на структуру сложных предложений, а только на отделяющие знаки препинания: точку, восклицательный и вопросительный знак, многоточие, точку с залятой и двоеточие. Кроме них мы также рассмотрим залятую и тире, которые могут выступать и как отделяющие, и как выделяющие знаки в зависимости от условий их употребления. (См. Бабайцева & Максимов 1981, 265.) Так как наш анализ не касается диалогов пьес, мы не рассматриваем знаки препинания при прямой речи или диалоге.

Язык все время меняется. То же самое касается и употребления знаков препинания. Пьесы А. П. Чехова написаны в 1896-1904-ых годах и переведены Ярлом Хеммером в 1928-ом году. Поэтому надо заметить, что употребление знаков препинания может немного отличаться от современного языка. (Далее см. Strömquist 1993 и Крючков & Максимов 1969, 177-183.)

Другая проблема, касающаяся знаков препинания в том, что хотя во всех языках существуют правила употребления знаков препинания, им все

¹ О функции препинания см. Strömquist (1993, 102-103) и Крючков & Максимов (1969, 176).

же, не следуют (Strömquist 1993, 77). Далее, согласно Стрёмквист, некоторые знаки препинания употребляются слишком редко, а некоторые слишком часто. В связи с этим, мы отметим, что стиль писателя влияет на употребление знаков препинания в его произведениях (Розенталь 1984, 244-245). Знаки препинания Чехова мы уже рассматривали в разделе 3.2 и поэтому не рассматриваем здесь.

Сив Стрёмквист (Strömquist 1993, 91) делит знаки препинания на большие и маленькие. "Большие знаки препинания" — точка, восклицательный и вопросительный знак, а "маленькие знаки препинания" — залятая, двоеточие и точка с залятой. Кроме них, как мы выше заметили, мы будем рассматривать и тире, так как оно играет большую роль в русской грамматике.

Большие знаки препинания употребляются и в русском и шведском языках одинаково. Их функция — различать сложные предложения (графическое сложное предложение; см. с. 10.) Более того, и в русском и шведском языках ставится многоточие для обозначения незаконченности высказывания. (Svenska skrivregler 1992, 94-98; Teleman et al. 1999, 836; Розенталь & Голуб 1997, 202-204.)

Маленькие знаки препинания создают, с нашей точки зрения, некоторые проблемы. Залятая проблематична, так как в языках существуют определенные правила употребления залятой. Проблемы с точкой с залятой и с двоеточием возникают согласно Стрёмквист (Strömquist 1993, 91-92; Strömquist 1995, 22) в том, что их употребление так близко друг к другу, что их не употребляют последовательно. Кроме этого, их употребление, по крайней мере, в шведском языке, менялось в истории языка (Strömquist 1993, 91-92; Strömquist 1995, 22, 91).

Принципы употребления залятой довольно похожи друг на друга в обоих языках. Их функция — помочь читателю понять синтаксическую связь в тексте и различить изолированные члены предложения (Svenska skrivregler 1992, 100; Бабайцева & Максимов 1981, 265). Такими можно считать, в частности, предикативные части сложных предложений и различные уточнения в предложениях. Все же, как мы выше заметили, в разных языках

всегда существуют различия в употреблении залятой. Например, придаточное предложение отделяется от главного залятой и в русском и в шведском языках. В обоих языках, все же, есть свои правила в том, когда залятые обязательны, когда их нельзя ставить и когда они факультативные. (Svenska skrivregler 1992, 102-104; Розенталь & Голуб 1997, 278, 313.) В данной работе нас не интересуют правила употребления залятых: эта область языкоznания слишком обширна для этой работы. (См. Svenska skrivregler 1992, 100-106; Розенталь & Голуб 1997, 213-307.)

Точка с залятой и двоеточие употребляются почти одинаково и в русском и в шведском языках. Двоеточие ставится перед перечислением однородных членов и в сложном предложении, если вторая часть раскрывает содержание того, о чем говорится в первой части. Вообще можно сказать, что двоеточие указывает вперед на развитие событий. (Svenska skrivregler 1992, 108, 119; Teleman et al. 1999, 836; Розенталь & Голуб 1997, 225, 294, 313-314.)

Точка с залятой ставится в сложном предложении, когда предикативные части сильно распространены. Этот знак в обоих языках сильнее залятой, но слабее точки. Все же, нам кажется, что его употребление больше "стандартизировано" в русском языке, поскольку в шведских правилах знаков препинания особенно акцентируется, что употребление точки с залятой всегда факультативно. Также мы заметим, что точку с залятой употребляют все меньше и меньше. Более того, в русской грамматике больше правил именно в употреблении точки с залятой. Различие также в том, что в шведском языке точка с залятой ставится только между двумя главными предложениями, а в русском возможно, в частности, что она ставится и между двумя предикативными частями. (Svenska skrivregler 1992, 107, 119; Teleman et al. 1999, 835; Björnsson 1983, 488; Розенталь & Голуб 1997, 271, 279, 294.)

Как мы видим, двоеточие и точка с залятой действительно близки друг к другу. Более того, они часто альтернативны с залятой. Однако, альтернативой этим знакам может быть также и тире. И в русском и в шведском языках правила его употребления почти равны: тире выражает

паузу и неожиданность события и может различать вводные и вставные конструкции внутри предложения. Все же, русское тире не совсем соответствует шведскому тире. Во-первых, знак иногда пишется немного по-разному в рассматриваемых языках: шведское (–) тире короче русского (—). Но, может быть, это скорее вопрос печати чем правило. Больше различий в употреблении знака. На основании нашего опыта и правил употребления знаков препинания, мы утверждаем, что употребление тире больше "стандартизировано" и что оно употребляется больше в русском языке, чем в шведском. В русском языке больше ситуаций с обязательным употреблением, а в шведском пишется, что *тире можно ставить...* Кроме этого, область тире шире в русском языке, чем в шведском. Например, в русском языке тире часто ставится между подлежащим и сказуемым. (Svenska skrivregler 1992, 110-113, 119-120; Teleman et al. 1999, 835; Розенталь & Голуб 1997, 272, 280-281, 295, 314.)

Итак, в качестве выводов мы отметим, что больших различий в области знаков препинания между русским и шведским языками нет. Все же, в целом, в русском языке больше возможностей, особенно это касается точки с залятой и тире. Поэтому мы полагаем, что также в авторских ремарках их употребляется больше в русских оригиналах, чем в шведских переводных текстах. С другой стороны, так как стиль писателя влияет на употребление знаков препинания, возможно, что Ярл Хеммер хотел сохранить стиль А. П. Чехова и не менял знаки препинания в своем тексте.

2.4 О длине предложений

В стилистических исследованиях важны длина и комплексность предложений (Nordman 1981, 217; Särkilahti 1977, 4). На комплексность предложений влияет особенно стиль писателя и текста. Это будет вкратце рассмотрено в разделах 3.1 и 3.2. Здесь мы отметим только, что в русской художественной прозе XIII-ого века сложные предложения составляют 50,7 % всего

количества предложений, а в романе Ярл Хеммера, нашего переводчика, "En man och hans samvete", который написан в 1931-ом году и включает несколько жанров, количество сложных предложений варьируется с 51,7 % до 70,7 %. (Розенталь 1968, 351; Nordman 1981, 1, 213, 218.) Из этого мы можем сделать вывод, что Ярл Хеммер использует больше сложные предложения, чем русские писатели. О различии русского и шведского языка мы не смеем говорить только на основании этого, потому что язык одного писателя может меняться довольно сильно, как, например, у Чехова, который известен своими простыми синтаксическими конструкциями: в рассказах "Ионыч", "Дом с мезонином" и "Невеста", сложные предложения (60 %) преобладают над простыми (40 %) (Розенталь 1998, 317).

Стиль писателя и текста влияет, конечно, и на длину предложений (см. с. 32). Однако, длина предложений не только вопрос стиля, но и языка. На длину влияет и структура языка. Поскольку структуры разных языков различны, возможно, что и длины предложений в языках различаются. Конечно, возможно, что и синтаксические структуры различны в разных языках, но как показано в разделе 2, в русском и шведском языках больших различий нет. Отметим также, что вопрос не всегда в структуре языков, а и культуры писания также могут различаться: например, в русском научном стиле пишется длиннее и сложнее, чем в шведском научном стиле. Итак, ввиду того, что длина предложений может различаться в разных языках, в этом разделе мы рассмотрим этот вопрос подробнее. Попробуем сравнить русский и шведский язык, но так как исследования, касающиеся длины предложений часто сравнивают именно жанры языка, сравнение довольно трудно.

Когда исследуются длину предложений, в качестве определения длины обычно берется количество слов в предложении. Это традиционный и чисто квантитативный размер, употребляемый многими исследователями. (Lyngfelt 1995, 22.) В таком случае слово — это обособленная интервалом часть предложения (Linell 1984, 156).

"Три сестры", "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и "Чайка" написаны в 1896-1904-ых годах. Значит, сто лет назад. Это необходимо помнить, когда

мы говорим о длине предложений, так как в старом языке синтаксические структуры тяжелее и предложения длиннее (Björnsson 1983, 488; Särkilahti 1977, 5; Акимова 1973, 68). Однако, это не влияет на наш анализ, так как переводы Ярла Хеммера написаны уже в 1928-ом году: только через 24 года после написания последней пьесы.

Итак, длина предложений играет важную роль в стилистических исследованиях. В нашей теории мы опираемся прежде всего на исследования Г. Н. Акимовой, С. Х. Бьёрнссон и М. Нордман. В работе Г. Н. Акимовой исследовались синтаксические структуры русского литературного языка XVIII века, С. Х. Бьёрнссон читабельность в языке газет в II языках² и М. Нордман стиль и структуру Ярла Хеммера.

В своей статье Г. Н. Акимова (1973, 68) анализирует, из скольких слов может состоять предложение и констатирует, что количество слов зависит от грамматики, т. е. видов синтаксических структур. Далее, она уточняет это на основании результатов исследования: минимальное предложение — 1 слово, максимальное — 226 слов (Акимова 1973, 70). Однако, напомним, что предложения XVIII века короче языка А. П. Чехова.

Как отмечено ранее, на длину предложений влияет особенно стиль писателя и текста. Об этом Т. Учитель (1993, 146-147) написала: ...”чем динамичнее ситуация, тем меньше размер предложения”... Это будет рассмотрено подробнее в разделах 3.1 и 3.2. Однако, на длину предложений влияют и языковые условия: простое предложение, в составе сложного, в среднем в полтора раза меньше простого самосостоятельного предложения (Акимова 1973, 70).

О средней длине предложений в разных языках описал С. Х. Бьёрнссон (Björnsson 1983). Его исследование доказывает, что в среднем размер предложений в исследуемых языках варьируется от 14 до 36 слов. На наш взгляд, это довольно много, принимая во внимание то, что стиль в этом случае сохраняется. И хотя русский и шведский язык входят в разные группы языков (см. с. 42), различие, на основании этого исследования, минимальное: в русском языке размер предложения в среднем 18 слов, а в

шведском 17 слов. (Björnsson 1983, 495.) Это удивительно, принимая во внимание то, что русский и шведский язык относятся к разным группам языков и таким образом, ожидается большее различие в этом отношении. Ввиду того, что исследование Бьёрнсона касается только языка газет, мы не можем делать серьезные выводы. Различие, может быть, больше в других жанрах, например в деловой прозе, как на основании исследования Вестмана (Hakulinen et al. 1980, 138) видно. Согласно ему, средний размер шведского графического предложения 14,4 слова. В таблице представлены эти и другие результаты исследований, касающиеся средней длины предложений русского и шведского языка.

ТАБЛИЦА 1 Средняя длина предложений в различных стилях текста в русском и в шведском языках

Стиль текста	русский язык	шведский язык
Язык газет	18	17
Деловая проза ('bruksprosa')	—	14,4
Авторское повествование роман 1860-го год	17,2	—
Деловая проза Лермонтова	29,8	—
Язык романа Ярла Хеммера ' <i>En man och hans samvete</i> '	—	16,2

Хотя данные таблицы 1 нельзя сравнивать друг с другом, кажется, что в среднем, предложения в шведском языке короче, чем в русском. Это мы видим, например, в том, что количество слов романа Ярла Хеммера "*En man och hans samvete*" 16,2 (Nordman 1981, 215) и количество авторского повествования роман 1860-го год 17,2 (Розенталь 1968, 352). Но опять напомним, что предложения языка прошлого века длиннее и поэтому различие может объясняться также этим образом. Это же касается и деловой прозы русского (29,8) (Акимова 1973, 69) и шведского (14,4) (Hakulinen et al. 1980, 138) языков.

Хотя мы утверждали, что стиль текста влияет на длину предложений, все же, думается, что длина предложений может изменяться и в том же самом жанре. Это видно из таблицы Акимовой (1973, 69); средний

² В шведском, норвежском, датском, английском, французском, немецком, итальянском, испанском, португальском, финском и русском языках.

размер предложений, например, в ораторской прозе варьируется с 21,7 до 33,9 слов. (Акимова 1973, 69.)

Наконец, мы рассмотрим кратко размер предложений с точки зрения количества предикативных частей. В среднем, в русских сложных предложениях XVIII-го века от 2,4 до 4 предикативных частей (Акимова 1973, 69), а в шведских сложных предложениях, в романе Ярла Хеммера количество варьируется с 1,8 до 2,2 предикативные части (Nordman 1981, 215). На основании этого можно сделать вывод, что в русских сложных предложениях больше предикативных частей, чем в шведских. Однако, вновь ситуация зависит от времени написания текстов. Возможно, что сложные предложения современного русского языка в этом отношении короче.

3 СТИЛЬ АВТОРСКИХ РЕМАРОК А. П. ЧЕХОВА И ИХ ПЕРЕВОД НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

Нет такого писателя, у которого не было бы своего собственного языкового стиля. Этот стиль не существует отдельно от содержания произведения писателя, а, наоборот, он существует именно по отношению к его идее и теме. Итак, в каждом произведении балансируют индивидуальный стиль и стиль текста, в этом случае стиль авторских ремарок. (Федоров 1963, 15-16; Teleman & Wieselgren 1990, 39-40.) В зависимости от этого, в данном исследовании мы будем рассматривать не только языковые средства А. П. Чехова, но и кратко обратим внимание, с одной стороны, на стиль авторских ремарок и, с другой стороны на то, как переводчик влияет на окончательный результат своей работы.

3.1 Функция и язык авторских ремарок

Пьесы состоят из трех частей: диалога, монолога и авторских ремарок. Основная языковая форма, осуществляющая замысел писателя — диалог, при помощи которого автор сообщает все необходимое о событиях жизни персонажей. Для речи драматурга нет места, и в пьесах автор не присутствует. Он не поясняет как пьесу надо понять, читатель надо самому интерпретировать диалог пьесы. (Мякшева 1984, 109; Балухатый 1969, 9; Гурбанов 1957, 42; Куликова 1985, 159.)

Все же, хотя пьеса продвигается вперед с помощью разговора героев, авторские комментарии в пьесах также полезны. Без них, например, актер не знает, что ему надо делать на сцене, а читатель не знает что на сцене происходит. Ссылаясь на С. Владимирова, С. Н. Кузнецов (1985, 140) в своей статье пишет: «*Ремарка и реплика неразрывны. Только вместе они обретают драматическую силу.. Даже самая лаконичная ремарка в едином развитии действия может создавать очень сложную систему отношений и ничем не уступает диалогу.*» Итак, без помощи авторских ремарок глубокое понимание пьесы невозможно, потому что они вместе с диалогом (и, конечно, с монологом) помогают создать напряжение пьесы. (Баранов & Крейдлин 1992, 85; Draama. Elämys. Kokemus. 1995, 103.)

Несмотря на важность авторских комментариев, их традиционно считали факультативными в произведении (Кузнецов 1985, 140). Может быть, именно в силу этого, они часто выделяются курсивом или заключаются в скобки (Dyfverman 1962, 210; Lindström 1973, 115). Хенрик Дуфверман и Гёран Линдстрём (Dyfverman 1962, 210; Lindström 1973, 115) далее определяют немного точнее, что авторские ремарки — это то, что в диалоге нет актера. Особенно они определяют переменные пьесы, например, место и время действия. Кроме этого они не только уточняют реплики персонажей, но и описывают и персонажей пьесы и их невербальное поведение, даже

внутренний мир. (Баранов & Крейдлин 1992, 85; Lindström 1973, 115; Васева-Кадынкова 1972, 38; Кузнецов 1985, 146.)

Как было замечено ранее, у драмы две задачи: ее играют в театре и собственно читают как литературное произведение. В связи с этим не трудно понять изменение функции авторских комментариев в течение веков: ведь пьесы ранее писались только для театра. Поэтому авторские ремарки были в начале только технической информацией для театра, а позднее, с конца XVIII века начали думать также о читателях пьес (Lindström 1973, 115). Другими словами, функция авторских ремарок не только отобразить характер героя на сцене, но также и активизировать читателя пьесы (Луковы 1969, 14; Васева-Кадынкова 1972, 38).

Функции авторских ремарок изучались довольно много. Однако, ситуация совсем другая при изучении языка авторских комментариев. Может быть, они не интересуют исследователей, потому что, как мы выше заметили, их считали факультативными в произведении. Все же, вообще, когда говорят о языке драмы, под этим подразумевается часто только язык персонажей (см. например Учитель 1993, 148; Liljestrand 1980, 161). Часто исследовалась также разговорность в сценической речи (см. например Куликова 1985, 159-168; Бадаева 1972, 3-6).

О языке авторских ремарок, однако, почти ничего не писалось. Согласно В. и Вл. Луковых (1969, 15) в ремарках обычно используется нейтральный пласт лексики. Далее, М. К. Мильых (1972, 7-8) немного раскрывает язык ремарок А. П. Чехова; он считает, что их стиль лиричен. Авторский текст стилистически гармонирует с репликами персонажей и по синтаксическому строю соответствует авторскому повествованию в прозе. Согласно Мильых, ремарки стилистически нейтральны. (Мильых 1972, 7-8, 12.)

Согласно Марье Янис (Jänis 1991, 72), Чехову нравились авторские ремарки, дающие инструкции о том, как актерам надо читать свои реплики. Ремарки, описывающие события часто начинаются со слов '*видно как...*' и '*слышно, как...*' (Jänis 1991, 72.)

В заключение можно сказать, что типично явление для Чехова — паузы, отмеченные ремарками. Это явление интересно, потому что их очень

много в пьесах Чехова³. (Левин 1990, 216.) Ссылаясь на Ад. Стендер-Птерсен Марья Янис (Jänis 1991, 72-73) подчеркивает, что особенно много пауз в "Трех сестрах". Паузы можно считать многомерными: это связано с возможностью их интерпретаций (Jänis 1991, 73).

В. и Вл. Луковы (1969, 15) в своей статье о ремарках в пьесах Л. Леонова пишет, что авторские ремарки могут отобразить стиль писателя. Благодаря этому, и в связи с отсутствием данных о языке ремарок мы предполагаем, что особенности языка Чехова отражаются также в его ремарках. Эти особенности мы будем рассматривать в следующем разделе.

3.2 О синтаксисе А. П. Чехова

Автор всегда выбирает смысловые и грамматические структуры, когда он пишет. У него всегда есть возможность выбора, например, между сложным и простым предложением или между наличием или отсутствием союзов. Далее, он выбирает, в частности, порядок частей сложного предложения. Такие детали обдумывает каждый писатель в своей работе, так и А. П. Чехов, как исследование Виноградовой (1982, 85-98), касающееся правки Чехова, доказывает. В этом разделе мы рассмотрим, какой выбор А. П. Чехов в своих произведениях сделал, каков его индивидуальный стиль (см. с. 32).

А. П. Чехов один из самых популярных и талантливых писателей в мире. Благодаря этому его язык много исследовался (Например: Е. Л. Григорьян 1990, О. К. Кочинева 1984, Н. В. Изотова 1990 и Н. П. Люлько 1956). Ввиду того, что нас интересуется только синтаксис сложного предложения, в этом разделе мы будем рассматривать прежде всего черты, являющиеся близкими к нашему исследованию. Так как диалоги Чехова исследовались больше его авторских ремарок, в этом разделе также будут рассмотрены черты, являющиеся типичными именно для его диалогов. Мы

³ О функции пауз см. С. Н. Кузнецов (1985, 147-149).

попытаемся осветить и такой вопрос: возможно ли, что те же самые черты типичны как для диалога, так и для авторских ремарок.

Выше мы заметили, что при стремлении к индивидуальному стилю автор может выходить их норм общелитературного языка. Для Чехова это, все же, не очень типично (Teleman & Wieselgren 1990, 64-65; Люлько 1956, 134; Бадаева 1972, 4-5).

Обобщая, можно сказать, что цель Чехова — ясность, точность, краткость, правдивость и музыкальность языка (Люлько 1956, 140; Калашникова & Стаканкова 1990, 74; Виноградова 1982, 95). При стремлении к точности и краткости, Чехов часто менял подчинение сочинением и при этом устраивались союзы, и другие "лишние" слова, например, конструкции с предлогами. Особенно это касается союза 'и', устранием которого Чеховым чтобы достичь ритмического строя предложения. Такие конструкции называются чеховскими трехчленными конструкциями. Например: (6) *Он оборван, нечесан (и), болен ("Старый дом")*. Здесь необходимо помнить, что Чехову нравился также союз 'и', с помощью которого он создавал ритм в своих текстах. Конечно Чехов употреблял также подчинения, но обычно только простые. Придаточные тройные и более, уже редки. (Виноградова 1982, 96-97; Виноградов 1963, 72; Глухих 1998, 77).

О союзах Чехова можно заметить, что для него очень типичны контактрующие союзы, точнее говоря, союзы, состоящие из двух или более союзов. Из сочинительных союзов в таких конструкциях выступают 'и', 'а' и 'но', образуя разнообразные сочетания с подчинительными союзами. Особенно обычны 'и когда', 'но когда', 'но если' и 'и если'. (Калашникова & Стаканкова 1990, 74-76.) Аналогично, что два или более подчинительного союза выступают вместе в начале придаточного. Такие блоки у Чехова, например, 'что если', 'потому что когда', 'так что если' и др. Такие конструкции являются в нашем анализе небольшой проблемой. Но мы решим ее так, что первый союз решит категорию придаточной части: придаточное предложение с сочинительным и подчинительным союзом — это сочинительное предложение, а блок двух подчинительных союзов — это подчинительное предложение.

В заключение, о союзах Чехова нужно отметить, что он также повторял одинаковые союзы, например: (7) «*Я думала... что они презирают толпу и свою славой, блеском своего имени как бы мотят ей за то, что она выше всего ставит знатность происхождения и богатство*» (*Чайка*). Это для того, чтобы речь персонажей приблизилась к разговорной речи. Стилистически, такое повторение считается неудачным. (Бадаева 1972, 4; Розенталь 1998, 319.)

При стремлении к точности и краткости, Чехов часто заменял деепричастные обороты и придаточные предложения наречиями или существительными с предлогами. Например: (8) *Пустившись вниз и проходя мимо => Внизу, около двери, ведущей в ресторан «Япония» Куцын подумал...* ("Лев и солнце") и, (9) *Правда, и она не прочь выпить с горя, но и (будучи пьяна) => в пьяном виде забывает своих обязанностей* ("Старый дом"). Чехов заменял также причастные обороты простыми предложениями: (10) ...*всегда чувствовавший, что ему жарко и ходивший поэтому босиком и в одной жилетке => ...всегда ему было жарко, и оттого он всегда ходил босиком и в одной жилетке.* Интересно это потому, что и у причастных и у деепричастных оборотов книжный характер. (Виноградова 1982, 95; Розенталь 1998, 330, 337.)

Речь персонажей в драматургии строится по образцу письменной, литературно-организованной речи (Левин 1990, 208). Диалог должен напоминать разговорную речь. Для этого писателю необходимо стремиться употреблять конструкции разговорного синтаксиса (Бадаева 1972, 3). В связи с этим, Чехов использовал в своих произведениях бессоюзные сложные предложения и так называемые парцелляции, что означает простые предложения, представляющие собой как бы разламывание на части единой бессоюзной конструкции. Например: (11) *У этого доктора утомленное нервное лицо. Интересное лицо.* Может быть и другая причина для использования бессоюзия, бессоюзные предложения придают тексту непринужденность и легкость. (Бадаева 1972, 5; Левин 1990, 209;

Формановская 1978, 148.) Как мы уже определили, такие конструкции рассматриваются нами как собственные простые предложения.

Другое явление Чехова — исправления знаков препинания. Чехов заменял точки восклицательным знаком или многоточием, вопросительные знаки многоточием. (Люлько 1956, 138.)

Наконец, следует обратить внимание еще и на то, что у Чехова дополнения часто стоят в конце сложного предложения, в его пейзажах очень часто появляются слова и синтаксические конструкции, тяготеющие к безличному употреблению (*казалось, хотелось*) и вводные слова, со значением предположения и догадки (*вероятно, может быть*) и сравнительных союзов и частиц, (*точно, как будто*). (Сиротинина & Максимова 1988, 77; Качаева 1985, 9.)

В конечном итоге мы кратко разберем черты, являющиеся типичными для Чехова и поэтому, ожидаемые в авторских ремарках его пьес. Мы предполагаем, что структура сложных предложений простая и что предложения короткие. Кажется, что в ремарках много бессоюзных и сложносочиненных предложений, особенно трехчленных, а также не так много контактирующих союзов, причастных и деепричастных оборотов. Может быть, мы найдем несколько случаев с одинаковыми союзами, но только потому, что они близки к разговорной речи, может быть, их в авторских комментариях просто нет. Если сложное предложение заключает в себе различные дополнения, например, придаточные предложения, последнее часто стоит в конце сложного предложения. Предложения часто начинаются с вводных слов или содержат безличные конструкции и вводные слова.

3.3 О переводе пьес

Кроме синтаксической структуры пьес А. П. Чехова, проблемой в данной работе являются структуры сложных предложений в переводных текстах, написанные переводчиком Ярлом Хеммером. В этом разделе будет рассмотрено, во-первых, какова функция переводных текстов, во-вторых, какова роль переводчика и в-третьих, каким образом эти факторы могут влиять на перевод текста.

В языковедении много исследований по теории перевода (см. напр. Ingo, 1990, Sorvali 1991 и Vehmas-Lehto 1999). Однако, с нашей точки зрения — вникать в нее нет необходимости оттого, что в произведениях по теории перевода к переводу пьес обращаются не часто (Jänis 1991, 39). Видимо, о переводе пьес писали главным образом те, кто сами переводили театральные тексты, например Марья Янис и Оути Нюютая. Часто их статьи публиковались в журнале "Teatteri" (Театр). Например, часть журнала "Театр" 7/1984 посвящена именно переводу пьес. Более того, мы не будем обдумывать позицию драмы в области литературы (об этом напр. Jänis 1991, 30-32) и стадии работы при переводе (об этом напр. Mannila 1983, 4-5). Мы остановимся на определении, что пьесы опознают по способу, которым они написаны (Jänis 1991, 30). Итак, драматические тексты состоят из диалога, монолога и авторских ремарок между диалогом и монологом, выделяемых курсивом или заключаемых в скобки.

Проблема в области теории перевода та же самая, как и в области исследовании языка драмы: когда мы ознакомились с теорией перевода, проявилось, что часто перевод пьес — это перевод диалогической речи. Однако, в пьесах появляются и авторские комментарии. По нашему мнению, перевод пьес надо было бы разделить на две подгруппы: перевод диалогической речи и авторских ремарок.

А какая же функция у перевода пьес? С нашей точки зрения, ее можно разделить на две важнейшие функции: 1. перевести литературное произведение с одного языка на другой и 2. функционировать театральной

демонстрацией. При этом необходимо заметить, что пьесы написаны не только для театра, а также для читателей пьес. (Nyutäjä 1996, 13; Jänis 1991, 29; Jänis 1996, 19.)

В выполнении этих двух функций важна роль переводчика. С одной стороны, его внутреннее представление о цели перевода влияет на результат и вследствие этого текст пьесы написан более для театра или для читателя (Jänis 1991, 3). О последнем Еркки Пеуранен (Peuranen 1983, 26) употребляет термин "lukudraama" (драма для чтения). Также он замечает, что такая пьеса — готовое художественное произведение, которое нельзя сыграть в театре и которое на сцене не функционирует (Peuranen 1983, 27).

На практике внутреннее представление пьесы переводчиком отражается, в частности, на длине предложений. На основании опыта чтения мы утверждаем, что короткие, плохо объясняющие авторские ремарки не удобны, потому что читателю пьес не видны события на сцене театра⁴ ⁵. Пьеса не только слова на бумаге. (Jänis 1991, 33). В театре слова "живут" визуально (Peuranen 1983, 27). В связи с этим, короткие, простые ремарки оправдываются тем, что они не мешают фантазии актеров и режиссера пьесы (Jänis 1991, 73; Ahlfors 1996, 23).

С другой стороны, роль переводчика видна в его отношении к культуре и в том, насколько верен он оригинальному тексту. Это безусловно влияет на текст перевода.

В первом случае задача переводчика — перевести не текст, а внутреннюю структуру пьесы на другой язык (Ellonen 1998, 40). Сылаясь на Мервюон Карлсон Марья Янис (Jänis 1991, 228-229) говорит о "глубокой структуре" пьесы, проявляющейся в тексте (за текстом). Так переводчик толкует идею пьес. Все же, он не может истолковать идею читателю и публике стопроцентно, потому что у театральных текстов всегда много возможных интерпретаций (Ellonen 1998, 40). Для этого переводчику необходимы данные, например, о писателе и его времени или месте и времени написания пьесы. В этом переводчик специалист, так как он владеет

⁴ (О читабельности текста см. С. Н. Björnsson (1968) и Gunnarsson (1984)).

⁵ Длина предложений не единственный черт, влияющий на читабельность текста. См. напр. Björnsson (1983, 480) и (Nordman 1981, 214-215).

языком и знает культуру языка оригинального текста. (Jänis 1996, 18-19; Nyttäjä 1996, 14.) Кроме этого, именно переводчику пьес важно познать жанр драмы и театр: иначе перевод не функционирует на практике (Nyttäjä 1988, 101).

Итак, внутренняя структура пьесы всегда связана с известным временем и местом. При переводе переводчику необходимо решить проблемы, происходящие от различных культур и времени (Jänis 1996, 19; Aaltonen 1996, 16.) Как писала Сиркку Аалтонен (на финском языке; переведено нами на русский язык) (Aaltonen 1999, 44): *«переводчик создает текст по-новому, в новой культуре, новой публике и на новом языке».* В этой работе можно отличить два способа, при помощи которых переводчики обрабатывают текст: заменять незнакомые черты родными так, что пьеса становится близка, либо принести чуждые черты в совсем незнакомую культуру. Обычно случается так называемая "креолизация", иначе говоря, в переводах есть черты обоих вариантов. Переводчик может также объяснять культурноспецифические черты. Если они не переведены или плохо объяснены, может возникнуть проблема непонимания текста актерами, читателями и публикой. (Jänis 1991, 230, 232, 240.)

Следующая проблема — объяснение в драме таково, что сноски невозможно употреблять. Более того, обычно текст слушается и поэтому информацию необходимо быстро и точным образом довести до публики. (Jänis 1984, 6.)

Типичные проблемы перевода, происходящие от различия культур между русским и шведским — это, с одной стороны, культурноспецифические (например политические) слова и явления, а с другой стороны, различные семантические поля слов. Например, русские слова 'земство' и 'чайна' трудно понять и перевести, если русская и советская политическая система и культура незнакомы. Особенная проблема — различные табу, например общественные или сексуальные. Кроме этих, типичной проблемой перевода являются русские имена и обращения, отличающиеся от других культур. (Ingo 1990, 20-21; Jänis 1984, 6; Jänis 1991, 189, 231-239; Jachnina 1993, 149.)

Итак, как было замечено ранее, переводчик интерпретирует внутреннюю структуру пьес. Однако, проблемы могут возникнуть и с точки зрения внешней структуры перевода. Проблема в том, что текст перевода должен быть написан хорошим и свободным языком, но одновременно с сохранением формы и ритмического строя пьесы. Особенно важно это в художественной литературе, в которой форма — один из элементов художественного произведения. Итак, цель переводчика — текст, отвечающий оригиналу, но вследствие различных структур языков это не всегда возможно. В таком случае переводчику необходимо решить, какие из черт оригинального текста являются важнейшими. (Jänis 1991, 68; Mannila 1983; Anon. 1983, 23; Mannila 1983, 8; Nyttäjä 1996, 14; Vehmas-Lehto 1999, 24, 26.) Больше культурноспецифические проблемы освещаются в работе Инкери Вехмас-Лехто (Vehmas-Lehto 1999, 24-25).

Выше мы уже говорили о ритме пьесы. Он важен, так как влияет на представление о персонажах пьесы. При этом знаки препинания должны оставаться неизменными: изменения в их употреблении могут вызвать большие различия в представлении читателей о персонаже. Также перехода границ сложных предложений следует избегать. Однако, ритм и структуры сложных предложений различны в разных языках и "хороший" перевод может требовать изменений в синтаксисе переведимого текста. Легче изменения синтаксической структуры в длинных сложных предложениях, так как в них больше возможностей выбора. (Jänis 1991, 45, 66, 232, 6; Ellonen 1998, 40-41; Mannila 1983, 7, 15; Nyttäjä 1996, 14.)

Проблема синтаксических различий между оригинальным и переводимым текстами варьируется в зависимости от языка. Особенно проблематично, когда переводят с языка, входящего в другую группу языков, например русский и шведский язык: Русский язык один из славянских языков, а шведский — один из северогерманских языков. (Anon. 1983, 21-23; Mannila 1983, 6; Häkkinen 1993, 19.) Согласно Вехмас-Лехто (Vehmas-Lehto 1999, 110) различия могут появиться в частоте языковых средств. На наш взгляд, например, частота бессоюзных сложных предложений в русском языке, больше, чем в шведском.

В конечном итоге можно подчеркнуть цель нашей работы: нас особенно интересуются лингвистические черты в русском и шведском языках и вследствие этого главное внимание будет обращаться именно на эти последние проблемы перевода. Насколько близок перевод Ярла Хеммера к оригинальному тексту и какие изменения он сделал в своей работе в 1928-ом году? На основании теории перевода мы могли бы предположить, с одной стороны, что Ярл Хеммер не менял стиль А. П. Чехова, иначе говоря, короткие и простые предложения на сложные синтаксические структуры, так как в коротких сложных предложениях возможностей изменения перевода мало и возможно, Ярл Хеммер хотел сохранить ритм Чехова. С другой стороны, так как русский и шведский язык входят в разные языковые группы, то перевод может требовать изменения в синтаксических структурах. Это мы утверждаем несмотря на то, что главные языковые структуры довольно одинаковы (см. раздел 22).

4 ПРОВЕДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1 Материал исследования

Материал данного исследования (пьесы А. П. Чехова: "Три сестры", "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и "Чайка"), выбран потому, что они нам уже знакомы и так как мы считаем их важнейшими в творчестве Чехова. Кроме русских пьес, наш материал заключает в себе и шведские переводы Ярла Хеммера, выбранные нами, так как они старейшие и важнейшие из шведских переводов (Jänis 1991, 233). Оригинальные пьесы написаны в 1896-1904 -ых годах, а их переводы в 1928-ом году. Каждая пьеса состоит из четыре действий и в начале их есть описание обстановки действия пьесы. Именно они и кроме них, инструкции внутри диалога составляют наш корпус.

Чтобы облегчить наш анализ, мы внесли весь корпус на компьютер. Чтобы достичь лучшей надежности, мы подчеркнули все авторские ремарки до этой стадии работ. В конце мы еще проверили их так, чтобы русская пьеса была рядом со шведской. Обычно авторские ремарки соответствуют и в оригинальной пьесе и в переводе (точнее см. с. 68). Таким образом мы нашли, наверное, все авторские комментарии в пьесах.

Далее, корпус пронумеровали и в конце предложений поставили номер страницы, так что при анализе было легче найти контекст предложения, и также проверить предложение, если кажется, что оно неправильно написано. Корпус пронумеровали два раза: в первый раз мы хотели узнать количество предложений и во второй раз — количество авторских ремарок. Тем самым мы получили сумму слов корпуса. Эти числа точнее представлены в таблице II, 12 и 13 на странице 67-69, но здесь мы представим важнейшие данные с точки зрения материала исследования в таблице 2.

ТАБЛИЦА 2 Величина корпуса

	русские пьесы	шведские пьесы	Всего
Количество слов корпуса	8870	10714	19584
Количество предложений корпуса	2300	2348	4648
Количество авторских ремарок корпуса	2110	2094	4204

Как видно, величина корпуса всего 19584 слова. Это количество включается в себе также слова контекста, так как мы хотели сохранить грамматические предложения цельными. Например, в следующем случае авторская ремарка состоит только из трех слов, но на компьютере написан весь контекст, поскольку грамматически подлежащее Войницкий принадлежит к предложению: (12) *Войницкий (свистит). (Д.В., 71)*. Итак, в действительности величина корпуса меньше, чем 19584 слова.

Предложений в пьесах всего 4648. Напомним, что в данной работе предложение определяется графически (см. с. 10) и обратим внимание на то, что также цитаты выделены, если они состоят из двух восклицаний, как, например, в следующем примере: (13) *Крик: «Ay! Гоп-гон!* (Т.с., 164), в котором *Крик: «Ay!* и *Гоп-гон!* определяются разными предложениями.

В конечном итоге отметим, что количество авторских ремарок в пьесах всего 4204. Русские пьесы состоят из 2110 и шведские из 2094 авторских комментариев. Из этого можно сделать вывод, что в этом случае переводы часто соответствуют друг другу, но не всегда. Однако, это мы подробнее рассмотрим в главе 5.

4.2 Методы исследования

4.2.1 Длина предложений

Как уже ранее отмечалось, целью нашего исследования является анализ синтаксической структуры авторских ремарок А. П. Чехова и влияние на нее перевода. Основным методом анализа является количественный анализ, при помощи которого мы объяснили, с одной стороны, длину предложений и, с другой стороны, комплексность предложений. Так как другая важная цель рассматриваемой работы — сравнение русской и шведской синтаксической структуры, наряду с квантитативным методом необходимо использовать также качественный метод, при помощи которого мы будем объяснять результаты количественного анализа.

Согласно Марьяне Сойнинен (Soininen 1995, 34), различие квантитативного и квалитативного метода в том, что в квантитативном анализе полученные данные даются цифрами, а в квалитативном анализе акцентируется толкование и понимание явления. Тем самым квантитативный анализ считается слишком поверхностным, но объективным, а квалитативный анализ глубоким, но субъективным (Soininen 1995, 34). Хотя количественный метод часто критикуется, в нем, все же, есть и преимущества. По нашему мнению, самое важное то, что в таких исследованиях результаты возможно представить точно, что хорошо подходит для исследования языков, состоящих из легко опознаваемых и считаемых элементов (Launonen 1972, 290). Видимо, это причина того, что количественный метод является основой стилистических исследований (Särkilahti 1977, 2). Тем самым он дает общее представление о языковых средствах текста (Ledin 1999, 26).

Итак, с помощью количественного метода мы выяснили длину и комплексность предложений. На первой стадии мы сосчитали слова всего корпуса. Хотя они были внесены в компьютер, мы сделали эту работу без него, поскольку вследствие краткости предложений работа шла быстрее таким образом. Чтобы избежать ошибок, предложения, состоящие больше,

чем из десяти слов, сосчитали два раза. В некоторых, в первую очередь, в шведских, предложениях, встречались сокращения. Такие случаи мы считали систематически как слова, если между ними был интервал.

Количество слов предложений маркировали рядом предложений и на второй стадии все эти предложения классифицировались в таблицы по количеству слов. Таблицы являются приложениями (таблицы 22-31) в конце рассматриваемой работы и содержат следующие данные:

1. Количество слов предложений
2. Количество слов простых предложений
3. Количество слов сложных предложений
4. Количество слов предикативных частей
5. Количество предикативных частей

В начале работы мы имели намерения считать количество слов главных и придаточных предложений отдельно, но когда оказалось, что многие из предикативных частей являются частями бессоюзных предложений, и, что их распределение по классам "главные предложения" и "придаточные предложения" не было бы возможно без точного семантического анализа, нам пришлось отказаться от этой задачи. В связи с этим, мы сосчитали только количество слов предикативных частей и количество предикативных частей.

Предложения сосчитали снова без компьютера. Компьютерные программы, все же, не было возможно использовать, так как имеющиеся программы не понимают кириллических букв. Вследствие этой проблемы возникли ошибки, которые видны в том, что количество сосчитанных слов (см. таблицы 22-31) совсем не соответствует количеству, полученному с помощью компьютера (см. таблица 2). Конечно, это снижает надежность нашего исследования. Однако, так как предложений так много, у нас нет возможностей рассмотреть все предложения вторично. С другой стороны, мы не считаем это нужным, поскольку весьма вероятно, что большинство предложений являются самыми короткими и самыми типичными.

На последней стадии этой работы полученное количество анализировали при помощи компьютерной программы Excel 97. Таким образом, результаты получили быстро и без ошибок. Согласно Питкянену & Кохонену, Бюстрёму и Сяркилахти (Pitkänen & Kohonen 1984, 129-130, 132-

133; Byström 1973, 99-100; Särkilahti 1977, 52) мы получили следующие статистические классы:

$$\text{1. средний размер} \quad \bar{x} = \frac{\sum f x}{n}$$

(f = частота, n = количество предложений)

$$\text{2. стандартное отклонение} \quad s = \sqrt{\frac{1}{n-1} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}$$

($x_i - \bar{x}$ = отклонение из среднего размера, n = количество предложений)

$$\text{3. размах} \quad R = x_{\max} - x_{\min}$$

Эти числа сосчитали на основе всех таблиц (22-31) и русские и шведские предложения отдельно. На основании их мы будем анализировать, с одной стороны, кратко синтаксическую структуру авторских ремарок А. П. Чехова, и, с другой стороны, прежде всего, различия русского и шведского синтаксиса.

4.2.2 Комплексность предложений

Последняя задача количественного анализа — объяснить комплексность предложений корпуса. Для этого мы кодировали все предложения авторских ремарок льес. Чтобы облегчить анализ, переменные величины выбрали иерархически (см. Pitkänen & Kohonen 1984, 57). Далее, на основе образца книги Питкянена и Кохонена (Pitkänen & Kohonen 1984, 91) коды не являлись дублирующими, кодирование основывалось на теории, в этом случае на классификации предложений, которая представлена в разделе 2.2. Главной единицей являлось предложение. Далее показаны переменные величины данного анализа:

A = простое предложение

B = сложное предложение

В.1 = бессоюзное сложное предложение

B.2 = сложное предложение с союзной и относительной связью

B.2.1 = сочиненное предложение

В.2.1 = сочиненное предложение

(В 2.3 – подчиненные предложения без главной части)

В 3 = сложная синтаксическая конструкция

B.3.1 = сложная синтаксическая конструкция с сочинением и подчинением

Б.3.2 = сложная синтаксическая конструкция с сочинением и бессоюзной связью

B.3.3 = сложная синтаксическая конструкция с подчинением и бессоюзной связью

B.3.4 = сложная синтаксическая конструкция с сочинением, параллелизмом и бессоюзной связью

подчинением и обесцениванием связью

+ 2,3,4 и т. д. = количество предикативных частей в сложносочиненном предложении/

количество предикативных частей в бессоюзном
предложении/

количество идаточных предложений в = сложноподчиненном предложении, если больше чем 1/

придаточная определяет ту же самую часть предложения/ количество придаточных частей, если главной части нет

R = придаточные предложения не являются последовательны

SE придаточное предложение
LV придаточное предложение

Л в – придаточное предложение – обособленные обороты/эквиваленты предложения

Е = препозиция придаточной части

K = интерпозиция придаточной части

постпозиция придаточной части

Переменные делятся на две группы. Первые (A – B. 3, 4) — основные коды, бывшие основой работы и последние (+ 2, 3, 4 и т. д. – J) — добавления, если сложное предложение заключает в себе придаточное предложение или более.

Согласно предложению Питкянена & Кохонена (Pitkänen & Kohonen 1984, 90)- добавочные коды выбраны логически на основе родного языка автора так, что символы легко помнить. Благодаря иерархии мы не могли

следовать этому принципу в первых случаях. Чтобы избежать ошибки, план кодирования постоянно был под рукой (см. Pitkänen & Kohonen 1984, 90). С другой стороны, таких кодов, все же, довольно мало, только 12, что согласно Хакулинен и др. (Hakulinen et al. 1980, 6) еще не снижает надежности исследования.

На основе плана кодирования провели предварительное исследование (об этом см. Pitkänen & Kohonen 1984, 94), содержавшее льесу "Три сестры". В результате этого мы добавили переменные кодом В. 2. 3 (отмечен скобками), так как для подчиненных предложений не было места в плане кодирования. Изменение индикатора улучшило валидность исследования (Pitkänen & Kohonen 1984, 67-68).

План кодирования можно считать удачным, если в каждом из подгрупп существует более чем пять проявлений (Hakulinen et al. 1980, 99). Это выполняется в нашей работы в общем; только в группе В. 2. 3 (подчиненные предложения без главной части) шведского корпуса меньше, на два предложения. Так как эта группа с точки зрения результатов исследования является полезной, мы не соединили их с другой группой.

В конечном итоге, после кодирования коды собрали в таблицы (таблицы 32-35 в приложении) и проанализировали на компьютерной программе Excel 97. В этом случае было проанализировано только процентное отношение, так как с точки зрения стиля А. П. Чехова мы считаем их самыми важными и достаточными данными. В анализе выявлялись следующие данные (на основе таблицы 32-33) в русском и шведском языках:

1. Процентное отношение простых и сложных предложений по отношению ко всем предложениям

2. Процентное отношение бессоюзных предложений, сложных предложений с союзной и относительной связью и сложных синтаксических конструкций по отношению ко всем сложным предложениям

3. Процентное отношение сочиненных и подчиненных предложений по отношению ко всем сложным предложениям с союзной и относительной связью

4. Процентное отношение сложных синтаксических конструкций с сочинением и подчинением, с сочинением и бессоюзной связью, с подчинением и бессоюзной связью и с сочинением, подчинением и бессоюзной связью по отношению ко всем синтаксическим конструкциям

Кроме этих данных сосчитали на основе таблицы 34 и 35 процентные отношения добавленных данных, точнее говоря, отношения разных видов придаточных предложений. Мы сосчитали следующие процентные отношения:

1. Позиция придаточной части относительно главной части (пре-интер- и постпозиция)

**2. Отношение придаточных частей друг к другу
(последовательные/непоследовательные)**

3. Вид придаточной части (придаточное предложение/обособленный оборот или эквивалент предложения)

То же самое касается комплексности предложений, так и длины предложений. Когда предложения считаются без помощи компьютера, невозможно избежать ошибки. Все же, хотя они немного снижают надежность исследования, мы не считаем их слишком большими, ведь в корпусе 4648 предложений и, очевидно, мы опустили самые короткие предложения, которые являются самыми обычными в авторских ремарках. Благодаря этим причинам можно предполагать, что, несмотря ни на что, надежность данного исследования хорошая.

Так как цель данного исследования найти различия русского и шведского синтаксиса, необходимо употребить и качественный метод при анализе синтаксических структур. Таким образом мы стараемся глубже анализировать языковые структуры и результаты количественного анализа. Качественный анализ не является отдельной частью в работе, а он все время связан с квантиitatивным анализом, особенно в разделе 5.2, где мы будем сравнивать русские и шведские пьесы. Более того, данные анализа знаков препинания в разделах 5.1.3 и 5.2.3 получены с помощью качественного анализа, поскольку мы не считали количество знаков препинания.

5 АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АВТОРСКИХ РЕМАРОК ПЬЕС А. П. ЧЕХОВА

5.1 Синтаксическая структура авторских ремарок пьес А. П. Чехова

5.1.1 Оформление и состав авторских ремарок пьес А. П. Чехова

В пьесах А. П. Чехова всего 2110 авторских ремарок (см. таблица 12 на странице 68). Количество ремарок варьируется от 414 ("Дядя Ваня") до 651 ("Три сестры"). Предложений в авторских ремарках пьес всего 2300. Их распределение показано на таблице 13 на странице 69. Здесь мы отметим только, что количество предложений варьируется от 443 ("Дядя Ваня") до 689 ("Вишневый сад") и что на основании этих чисел можно сделать вывод, что из пьес "Дядя Ваня" короче и "Три сестры" длиннее всех других пьес.

Как мы в разделе 4.1 отметили, каждая пьеса состоит из четырех действий и в начале их есть описание обстановки действия пьесы. В таких случаях авторские комментарии довольно длинные и состоят из многих предложений (см. пример 14). От диалога они отделяются мелким шрифтом и они являются отдельными абзацами. Те же самые ремарки в небольшом количестве присутствуют и внутри текста, но в общем они короче ремарок в началах действий (см. пример 15). Более того, внутри диалога существуют ремарки, которые выделялись курсивом и заключались в скобки (см. примеры 16 и 17). Видимо, такой способ выделения выбран, так как эти ремарки указывают актерам, как им надо говорить и т. д. и вследствие этого они находятся между говорящим и диалогом или внутри реплики. Отметим также, что имена героев пьес перед репликой и в авторских ремарках внутри текста, когда герои появляются на сцене первый раз маркированы разрядкой букв (см. примеры 15 и 16). Далее отметим, что часто предложения внутри диалога являются эллиптическими, но так как подлежащее почти всегда находится прямо перед скобкой, предложения читателю не кажутся эллиптическими (см. пример 16).

- (14) Сад. Видна часть сада с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной из скамей лежит гитара. Недалеко от стола качели. Третий час дня. Пасмурно. Марина (сырая, малоподвижная старуха, сидит у самовара, вязет чулок) и Астров (ходит возле) (Д.В., 69).
- (15) Входят Анфиса и Ферононт с тортом. (Т.с., 119)
- (16) Маша (*оглядываясь на эстраду*). Скоро начнется спектакль (Ч., 17)
- (17) Треплев. Правда, тебе нужно жить в городе. (*Увидев Машу и Медведенка.*) Господи, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. (Ч., 18)

5.1.2 Длина предложений

Как мы уже отметили, в данной работе выявляются длина и комплексность предложений, составляющие основу стиля авторских ремарок пьес А. П. Чехова. Во-первых, в этом разделе мы рассмотрим кратко длину предложений, а в во-вторых, в разделе 5.1.2 комплексность предложений.

Результаты исследования, касающиеся длины предложений представлены в таблице 3. В ней показаны размах, средний размер и стандартное отклонение разных предложений. Точные количества слов представлены в таблицах 22-31 в приложении.

ТАБЛИЦА 3 Длина предложений авторских ремарок А. П. Чехова

	R (= размах)	\bar{x} (= средний размер)	s (= стандартное отклонение)
Количество слов предложений	34	3,6	2,17
Количество слов простых предложений	15	2,2	0,74
Количество слов сложных предложений	33	8,3	3,63
Количество слов предикативных частей	13	3,2	0,62
Количество предикативных частей	6	2,6	0,38

Из таблицы видно, что предложения авторских ремарок пьес Чехова действительно короткие (см. пример 18). Известно, что, например, средняя длина авторского повествования романа 1860-го года 17,2 слова и средняя длина языка газет 18 слов (см. с. 30). У Чехова то же самое число ремарок только 3,6. Различие огромное — особенно, когда мы обратим внимание на то, что пьесы Чехова старше авторского повествования романа 1860-го года. Ведь предложения в общем длиннее в старейшем тексте (см. с. 29).

(18) (*Входя в гостиную.*) (Т.с., II7)

В общем Не только средний размер предложений маленький, а и средние размеры простых (2,2) и сложных (8,3) предложений, и также средний размер слов предикативных частей (3,2) также маленькие. Все эти числа свидетельствуют о краткости предложений авторских комментариев и на основе их мы утверждаем, что пьесы А. П. Чехова для чтения не подходят, а пьесы написаны только для театра (см. с. 5). Конечно, на читабельность текста влияют и другие факторы, чем длина предложений, и поэтому мы не можем делать серьезные выводы именно о читабельности пьес Чехова.

Средние размеры и стандартные отклонения предложений маленькие. Все же, размахи предложений большие в отношении среднего размера и стандартного отклонения. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что в авторских ремарках есть и некоторые очень длинные предложения. Так как средний размер предложений все же маленький, длинных предложений в ремарках пьес только мало. Самое длинное русское предложение состоит из 35 слов. Далее, приведем пример этих длинных предложений.

- (19) *Ольга в синем форменном платье учительницы женской гимназии, все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу; Маша в черном платье, со шляпкой на коленях сидит и читает книжку, Ирина в белом платье стоит задумавшись. (Т.с., 115)*

Количество слов предикативных частей в среднем 3,2 и количество слов простых предложений 2,2. Это с точки зрения нашей теории удивительно: согласно Акимовой (1973, 70, см. с. 29) простое предложение, в составе сложного, в среднем в полтора раза меньше простого самостоятельного предложения. Более того, количество предикативных частей этих ремарок (2,6) близко к "нормальному" количеству русских предложений (2,4-4, см. с. 31). В результате этих данных, бесусловно, напрашиваться вывод, что предикативные части относительно длинные по отношению к простым предложениям. Это объясняется тем, что сложные предложения не находятся внутри речи персонажей, а в начале действий или внутри текста как отдельные абзацы. Такие тексты, по нашему мнению, соответствуют авторскому повествованию романа и, таким образом они удобнее для

читателя, точнее говоря, не кажутся длинным списком. Тем самым, простые предложения часто находятся внутри диалога, где ситуация динамичнее, чем в описаниях обстановки действия пьес.

Динамичность ситуации, в общем, объясняет краткость предложений авторских ремарок. Особенно это легко понять с точки зрения действий на сцене, так как сюжет пьесы основывается на речи персонажа. Однако, другая функция пьес — это собственно литературное произведение. Так как с конца XVIII века начали думать также о читателях пьес (см. с. 34), краткость предложений довольно удивительна. Исходя из этого, мы делаем вывод, что влияние Чехова на синтаксическую структуру больше требования стиля авторских ремарок. Это результат подтверждает нашу гипотезу, которая основана на теории о языке Чехова: Цель А. П. Чехова — краткость и точность языка, без "лишних" слов видна в авторских ремарках его пьес (см. с. 36).

5.1.3 Комплексность предложений

В разделе 5.1.1 выяснилось, что предложения авторских ремарок А. П. Чехова в общем короткие. Теперь мы видим, что они не только короткие, но и простые. В таблице 4 показано отношение простых и сложных предложений друг к другу.

ТАБЛИЦА 4 Простые и сложные предложения авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Простые предложения (в отношении всех предложений)	1799	79,0
Сложные предложения (в отношении всех предложений)	479	21,0
Всего	2278	100

Большинство предложений (79,0 %) простые и только 21,0 % сложные. Это действительно мало: вспомним, что по количеству сложных предложений в русской художественной прозе XIII-ого века сложные предложения составляют 50,7 % всего количества предложений и, что то же самое количество также у Чехова составляет 60 % (см. с. 27-28). Хотя стиль

Чехова в общем является простым, он один не объясняет этот результат, и ясно, что стиль текста также играет большую роль. Ведь ремарки часто находятся внутри диалога, где для сложных, тяжелых конструкций нет места. Однако, вполне без сложных предложений ремарки невозможно писать. Их распределение на подгруппы представлено в таблице 5.

ТАБЛИЦА 5 Виды сложных предложений авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Бессоюзные предложения (в отношении всех сложных предложений)	205	42,8
Сложные предложения с союзной и относительной связью (в отношении всех сложных предложений)	167	34,9
Сложные синтаксические конструкции (в отношении всех сложных предложений)	107	22,3
Всего	479	100

42,8 % всех сложных предложений бессоюзные. Это больше, чем количество сложных предложений с союзной и относительной связью (34,9 %). Сложных синтаксических конструкций в пьесах только 22,3 %, что опять свидетельствует о простоте синтаксических структур авторских ремарок пьес Чехова.

Отношение бессоюзных предложений и сложных предложений с союзной и относительной связью можно считать удивительно большим. Однако, на основании нашей теории такой результат был одинаков с нашим предположением. Ведь Чехов в своих произведениях много использовал бессоюзные предложения (см. с. 37), и, когда он устранил союзы, возникло больше бессоюзных предложений (см. с. 36). С другой стороны, преобладание бессоюзия удивительно, так как Чехов использовал такие конструкции, при стремлении к разговорности. Видимо, их функция, все же, придать тексту непринужденность и легкость (см. с. 37).

Хотя часть сложных предложений с союзной и относительной связью меньше части бессоюзных предложений, их, все же, 34,9 % всех сложных предложений. Их распределение на сложносочиненные сложноподчиненные предложения видно в таблице 6.

ТАБЛИЦА 6 Сложные предложения с союзной и относительной связью авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Сочиненные предложения (в отношении всех сложных предложений с союзной и относительной связью)	87	52,1
Подчиненные предложения (в отношении всех сложных предложений с союзной и относительной связью)	80	47,9
	167	100

Из всех сложных предложений с союзной и относительной связью более половины (52,1 %) сложносочиненных предложений. Почти все состоят из двух предикативных частей. Доля сложносочиненных предложений неожиданно маленькая, принимая во внимание то, что для Чехова такие синтаксические структуры являлись типичными (см. с. 38). Однако, надо помнить, что многие сложносочиненные предложения классифицированы в группу "сложные синтаксические конструкции с сочинением и бессоюзной связью", что объясняет эти количества. Наконец, обратим внимание на то, что абсолютно чаще всего сочиненным союзом является 'и', как мы на основе теории нашей работы предполагали (см. с. 36).

47,9 % всех сложных предложений с союзной и относительной связью сложноподчиненные. Как и следовало ожидать, сложноподчиненные предложения были простые (см. с. 36). Большинство сложноподчиненных предложений включало в себя только одну придаточную часть, и только некоторые (точнее 17, см. таблица 7) больше, обычно две. Синтаксических конструкций, которые подобны схемам 5 и 6 на странице 17, в нашем материале нет. Отношение придаточных частей друг к другу показано в таблице 7.

ТАБЛИЦА 7 Отношение придаточных предложений друг к другу авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Последовательные придаточные предложения (в отношении всех придаточных частей, если в сложном предложении — больше, чем одна придаточная часть)	10	58,8
Непоследовательные придаточные предложения (в отношении всех придаточных частей, если в сложном предложении — больше, чем одна придаточная часть)	7	42,2
Всего	17	100

Как видно, между этими подгруппами нет большого различия. 58,8 % придаточных предложений, состоящих из более, чем одной придаточной части, последовательные и 42,2 % неспособовательные. С нашей точки зрения, интересно то, что хотя синтаксические конструкции (также сложноподчиненные предложения) в общем простые, все же, последовательных придаточных в отношении к непоследовательным придаточным почти столько же. Однако, всего их только 10, что в отношении ко всем сложным предложениям минимальная сумма.

Последовательные придаточные предложения интересные, потому, что они часто являются эллиптическими, как следующий пример (20) показывает.

(20) (*Думая, что Андрей спрашивает его о чем-то.*) (Т.с., 132)

Предложение состоит из двух последовательных придаточных частей, из которых у первой нет главной части. Отсутствие главной части объясняется тем, что функция деепричастия не всегда является ясно подчинительной, и, таким образом, внутри диалога, где контекст достаточно ясный, деепричастие имеет функцию главной части сложного предложения.

С точки зрения данного исследования интересные также данные таблиц 8 и 9, в которых представлены вид и позиция придаточных предложений.

ТАБЛИЦА 8 Вид придаточных предложений авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Придаточное предложение (в отношении всех придаточных частей)	82	42,3
Обособленный оборот (в отношении всех придаточных частей)	112	57,7
Всего	194	100

На основе таблицы 8 мы видим, что более половины всех придаточных предложений (ср. определение предложения на с. 7) являются обособленными оборотами. Это подтверждает предположение о том, что в авторских ремарках много причастных и деепричастных оборотов (см. с. 38). Видимо, с помощью этих конструкций возможно выразить идею текста кратко и лаконично. Приведем пример:

(21) (*Видя, что отец млючит, машет рукой.*) (Ч., 59)

Предложение примера 21 состоит из 6 слов. Без деепричастного оборота ‘видя’ следует употребить более длинную форму *Он видит*. Различие небольшое, но при стремлении к краткости эти языковые способы являются практическими.

ТАБЛИЦА 9 Позиция придаточных предложений авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Препозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	33	17,4
Интерпозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	16	8,6
Постпозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	137	73,7
Всего	186	≈100

Большинство (73,7 %) придаточных частей в постпозиции. Этот факт является идентичным с представлением Акимовой (1973, 74) и и Йёргенссена и Свенссона (Jørgensen & Svensson 1987, 143) о том, что более тяжелые части предложения вообще располагаются в конце сложного предложения (см. с. 18). Однако, хотя большинство придаточных предложений в постпозиции — все же, многие стоят и в пре- и интерпозиции. Почти пятая часть (17,4 %)

стоит перед главным распространяемым словом или главной частью и 8,6 % — в середине главного. Часто придаточные части в пре- и интерпозиции деепричастные обороты (см. пример 22), но также причастные обороты (см. пример 23) и придаточные предложения с союзом ‘пока’ (см. пример 24) встречались. Это логично, так как деепричастные и причастные обороты короче придаточных предложений (см. выше, с. 60) и, так как придаточные части в пре- и интерпозиции часто сокращаются (см. с. 18; Акимова 1973, 74; Jørgensen & Svensson 1987, 143, см. с. 14-15).

- (22) *Треплев молча подает руку; Медведенко уходит.* (Ч., 53)
- (23) *(Подходит к письменному столу и, облокотившись, смотрит в рукопись.)* (Ч., 53)
- (24) *Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья.* (Ч., 59)

Пребладание постпозиции легко понимать также с точки зрения стиля Чехова. На странице 38 мы указываем на результаты исследования Сиротининой & Максимовой (1988, 77), согласно которыми дополнения Чехова часто стоят в конце сложного предложения. Этот факт объясняет также сложные предложения типа примера 25, являющиеся очень типичными для Чехова.

- (25) *Аня (обнимает Варю, тихо).* (В.с., 179)

Как мы видим, типичными конструкциями в авторских ремаках пьес Чехова являются наречия на -о. Такие слова возможно интерпретировать как обстоятельства способа действия, определяющие все главное предложение. Однако, возможная и интерпретация таких конструкций как эллиптических; ‘она делает это тихо’, на основе которых эти дополнения анализируются как собственные придаточные части. Из этих двух возможностей мы в данной работе выбрали последнюю.

На странице 36 и 37 данной работы было отмечено, что для А. П. Чехова типичными были контактирующие союзы, и, что он повторял одинаковые союзы. В материале данного исследования таких конструкций,

все же, на практике не встречалось, а только два-три одиночных случая с контактирующими союзами, как, например, в примере 26, в котором употребляется исключительно союз ‘так что’.

- (26) *Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. (Ч., 17)*

Обычно подчинительные союзы авторских ремарок пьес Чехова были обычные, как, например, ’который’, ’как’ и ’когда’.

Отсутствие контактирующих союзов можно объяснить простотой синтаксической структуры. При стремлении к краткости Чехов использовал все возможности предложения и, таким образом, отказался даже от использования своих стилистических особенностей.

Отсутствие одиноковых союзов, в свою очередь, объясняется тем, что их функция — приблизиться к разговорной речи (Бадаева 1972, 4; Розенталь 1998, 319, см. с. 37) и, конечно, в авторских ремарках такая функция не является нужной. Кроме этого, стилистически, такое повторение считается неудачным.

Далее было отмечено, что то же самое, что касается и контактирующих союзов и повторения одиноковых союзов, касается и вводных слов в общем и вводных слов в начале предложений (см. с. 38). Точнее говоря, мы имеем в виду отсутствие таких конструкций и ложность нашей гипотезы. Видимо, Чехов считал также вводные слова бесполезными. Ситуация совсем другая; что касается добавлений, которых в авторских ремарках Чехова довольно много (см. пример 27).

- (27) *Соня (подойдя к Елене Андреевне, нетерпеливо). (Д.В., 98)*

Безличные конструкции, все же, используются Чеховым также в авторских ремарках его пьес. В общем, предложения личные, так как подлежащее, конечно, всегда существует перед репликой, поэтому безличные конструкции находятся в начале действий, где описываются обстановка действий пьес. Особенно типичны конструкции следующего типа.

- (28) В открытую дверь видно окно, красное от зарева; слышино, как мимо дома проезжает пожарная команда. (Т.с., 147)

Итак, особенно обычны безличные конструкции на -о, употребление которых легко понять в начале действий. Ведь они короткие и стилистически, по нашему мнению, являются удачными в контекстах описания.

В заключение мы рассмотрим сложные синтаксические конструкции авторских ремарок пьес Чехова. Их распределение на подгруппы показано в таблице 10.

ТАБЛИЦА 10 Сложные синтаксические конструкции авторских ремарок А. П. Чехова

	Количество	%
Сложные синтаксические конструкции с сочинением и подчинением (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	19	17,8
Сложные синтаксические конструкции с сочинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	29	27,1
Сложные синтаксические конструкции с подчинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	38	35,5
Сложные синтаксические конструкции с сочинением, подчинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	21	19,6
Всего	107	100

Большинство (35,5 %) всех сложных синтаксических конструкций являются конструкциями с подчинением и бессоюзной связью (см. пример 29). Это немного неожиданный результат, если мы думаем о том, что в общем для Чехова типичны именно сложносочинительные предложения и принимая во внимание то, что сложных синтаксических конструкций с сочинением и бессоюзной связью в материале только 27,1 %. Этот результат противоречит нашей гипотезе (см. с. 38). Видимо, Чехов действительно устранил также союзы авторских ремарок его пьес, и, вследствие этого возникли сложные синтаксические конструкции с подчинением и бессоюзной связью. Очевидно,

подчинительные союзы не так легко устраниТЬ, поскольку семантика предложения без них не передается.

Итак, другая большая группа сложных синтаксических конструкций — конструкции с сочинением и бессоюзной связью (см. пример 30). Большинство предложений состоит из трех предикативных частей, но были и такие, которые состоят из четырех или пяти, даже шести частей. В основном этот факт одинаков с гипотезой о языке Чехова (см. с. 38), так как мы предполагали, что чеховские трехчленные конструкции (см. с. 36) можно найти и в льесах Чехова, но длинные предложения удивляли и нас, поскольку синтаксическая структура в общем является простой. По-видимому, бессоюзные и сочинительные конструкции являются легкими, так что Чехов использовал их, и даже в авторских ремарках, синтаксическая структура которых особенно простая.

- (29) *Входит Епиходов с букетом: он в пиджаке и в ярко вычищенных сапогах, которые сильно скрывают войдя, он роняет букет. (В.с., 176)*
- (30) *Елена Андреевна, Серебряков и Соня уходят в дом: Телегин идет к столу и садится возле Марины. (Д.В., 71)*

Сложных синтаксических конструкций с сочинением и бессоюзной связью и с подчинением и бессоюзной связью всего 62,6 % всех синтаксических конструкций. На основе этой цифры мы заметили также преобладание бессоюзия, что касается сложных синтаксических конструкций. С точки зрения читателя пьес это означает, что авторские ремарки кажутся слишком и их чтение, может быть, немного неудобно.

Сложные синтаксические конструкции с сочинением и подчинением (см. пример 31) являются редкими: это проявляется при сравнении их с конструкциями с сочинением, подчинением и бессоюзной связью (см. пример 32). Мы предполагали, что они являлись бы самыми редкими. Ведь в них кроме бессоюзной связи есть и сочинение и подчинение, которые в общем довольно редки у Чехова. На самом деле интересно, что количество этих двух групп на практике такое же большое. Явление объясняется тем, что бессоюзие так просто, что его прибавление в предложении наряду с

сочинением и подчинением не перегружает предложение. Приведем примеры этих двух конструкций:

- (31) *Берут корзину и идут в залу, где их встречают с шумом.* (Т.с., 129)
- (32) *Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его; Шамраев зажигает свечи, ставит стулья.* (Ч., 59)

5.1.4 Знаки препинания

Когда синтаксическая структура текста простая, естественно, что употребляется много точек. Ведь они обычно разделяют сложные предложения (см. с. 24). Восклицательный и вопросительный знаки были редки, что, с одной стороны, кажется естественным, но, с другой стороны, с точки зрения теории данной работы было небольшой неожиданностью. Ведь Чехов заменял, в частности, точки восклицательными знаками (см. с. 38) и, таким образом, было бы логично, что восклицательные знаки можно было бы найти даже в его авторских ремаках. На самом деле, мы нашли два (см. пример 33) в контексте с разговорной речью, но, все же, это мало. Очевидно, стиль авторских ремарок так далек от разговорной речи, что Чехов не мог использовать все свои стилистические особенности в них.

- (33) *Идут по гостиной, Пищик кричит: «grand-rond balancez!» и «Les cavaliers à genoux et remerciez vos dames!»* (В.с., 202)

На основе теории данного исследования мы предполагали также, что многоточие не являлось бы редким в авторских ремарках (см. с. 38), однако, также эта гипотеза оказалась неправильной. Многоточий не было в нашем материале, но, вместе того, в диалоге таких знаков препинания было много. Видимо, также этот стилистический способ невозможно использовать в стиле авторских комментариев.

Из маленьких знаков препинания (см. с. 25) обычнейшей была, конечно, залятая. Ведь она разделяет предикативные части сложных предложений. Более того, в русском языке часто различаются обособленные

обороты и добавления запятой. В связи с этим логично, что в предложениях авторских ремарок льес Чехова, заключающих в себе много обособленных оборотов и добавлений (см. с. 60), также запятых много.

Довольно типичными (но не так типичными, как мы предполагали) оказались также точка с запятой (см. с. 26). Это явление легко объяснить преобладанием бессоюзных предложений в ремарках (см. с. 57), так как при соединении предикативных частей, кроме союзов, точка с запятой является очень практической. Вспомним также, что Чехов часто устранил союзы, вследствие чего бессоюзных предложений стало больше. Далее приведем примеры предложений, в которых предикативные части соединяются точкой с запятой:

- (34) *Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позвовут: он в фуражке и с палкой. (Т.с., 159)*

Употребление двоеточия и тире оказалось относительно редким. Их можно найти, но не так часто, как мы предполагали. Особенно интересно то, что несмотря на преобладание бессоюзия, двоеточие не ставится чаще нормального употребления. Однако, конечно, они есть в тексте, как пример 35 показывает. Также тире можно найти изредка, но, реже, чем мы предполагали, принимая во внимание то, как часто оно употребляется в русском языке (см. с. 27). Может быть, в авторских ремарках нет так много неожиданных событий, требующих тире. Исключением является начало третьего действия, к которому предложение с тремя тире (см. пример 36).

- (35) *На эстраде за отпущенными занавесом Яков и другие работники: слышатся кашель и стук. (Ч., 17)*

- (36) *Выходят в гостиную: в первой паре Пищик и Шарлотта Ивановна, во второй — Трофимов и Любовь Андреевна, в третьей — Аня с почтовым чиновником, в четвертой — Варя с начальником станции и т. д. (В.с., 202)*

5.2 Синтаксическая структура переводов авторских ремарок пьес А. П. Чехова

5.2.1 Оформление и состав переводов авторских ремарок пьес А. П. Чехова

Вторая часть нашего корпуса — шведские переводы Ярла Хеммера. В таблице II показано отношение русского и шведского корпусов.

ТАБЛИЦА II Количество слов корпусов

	русские пьесы	шведские пьесы
Три сестры	2472	3069
Вишневый сад	2668	3224
Дядя Ваня	1669	1973
Чайка	2061	2448
Всего	8870	10714
		19584

Видно, что количество шведского корпуса всего 10714 слова, а количество русского корпуса — только 8870 слов. Различие (1844 слова) огромное в отношении, например, величины русского корпуса, примерно пятая часть, хотя количества предложений являются довольно близкими друг к другу (точнее, см. таблица 13 на с. 69). Уже из этих количеств можно, по грубому подсчету, делать вывод, что шведские предложения длиннее, чем русские, что уже указывает неправильность нашей гипотезы (см. с. 2). Это мы, все же, подробнее будем анализировать в разделе 5.2.2.

В следующей таблице (12) видно количество авторских ремарок русского и шведского корпуса. На основании их мы очень кратко рассматриваем с одной стороны, величины пьес по отношению друг к другу и, с другой стороны, количества авторских ремарок в русском и шведском языках.

ТАБЛИЦА 12 Количество авторских ремарок в корпусах

	русские пьесы	шведские пьесы
Три сестры	651	650
Вишневый сад	571	561
Дядя Ваня	414	413
Чайка	474	470
Всего	2110	2094
		4204

Количество авторских комментариев варьируется в русском корпусе от 414 до 651 ремарки и в шведском корпусе от 413 до 650 ремарок. Ясно видно, что самая длинная пьеса — "Три сестры", а самая короткая — "Дядя Ваня". Этот факт подкрепляет данные таблицы II и I3, в которых видно то же самое явление: количество слов и предложений коррелирует с количеством авторских ремарок.

Различие количеств авторских ремарок минимальное. В русских пьесах их всего 2110, а в шведском 2094, на 16 ремарок меньше русских. Хотя различие маленькое, оно, все же, неожиданное, поскольку в общем ремарки соответствуют друг другу и Чехов также писал кратко, без ненужных описаний и предписаний. Более того, при анализе было отмечено то же самое явление, но наоборот: в шведской пьесе было ремарка, но в русской ее нет. Вследствие этого, в действительности ситуаций с отсутствием ремарки в шведском переводе больше, чем из таблицы I2 видно. На основании этих фактов необходимо сделать вывод, что в некоторых случаях ситуация достаточно ясная для шведских читателей или, что содержание ремарки выражали уже в диалоге. Последнее объяснение кажется более достоверным, так как различные культуры в общем прибавляют потребность объяснения (см. с. 41).

Наконец, будет рассмотрено еще кратко количество предложений в обоих языках. Точные числа представлены в таблице I3.

ТАБЛИЦА 13 Количество предложений в корпусах

	русские пьесы	шведские пьесы
Три сестры	689	705
Вишневый сад	656	654
Дядя Ваня	443	461
Чайка	512	528
Всего	2300	2348
		4648

Из таблицы легко видеть соотношение русского и шведского языка: русских (2300) предложений немного меньше, чем шведских (2348). Такой результат является удивительным на основании нашей гипотезы: ведь мы предполагали именно противоположнее (см. с. 2). Может быть, переводчик объяснял больше события пьес? Это объяснение, все же, не сходится с тем фактом, что авторских ремарок меньше в переводах. Другое объяснение то, что стиль Чехова такой простой, что переводчик выбрал более мягкий стиль перевода и создал переводы больше для читателя. Последнее, и вероятнее всего, объяснение лингвистическое. Ведь русский и шведский язык входят в разные группы языков, вследствие чего большие языковые различия являются возможными (см. с. 42).

В основном пьесы построены одинаково: в начале четырех действий есть описание обстановки действия пьесы, формирующее отдельный абзац. Этот текст, все же, не написан мелким шрифтом, как в русских оригиналах, что подкрепляет чувство цельного рассказа, вследствие чего пьесы не кажутся слишком с точки зрения читателя пьесы. К таким авторским ремаркам относится пример 37.

Интересное различие русских и шведских пьес в том, что Ярл Хеммер заключил в скобки ремарки, соответствующие отдельным абзацам, но находящиеся внутри текста, как в примере 38. Такие ремарки как бы сопоставлены с ремарками внутри реплик (см. пример 39), выделяемых курсивом в оригинальных пьесах. Так как Ярл Хеммер такой способ подчеркивания не использует, ремарки внутри текстов и внутри реплик не отличаются друг от друга, как в русских пьесах (см. с 53).

Широкое употребление скобок укрепляет, по нашему мнению, характер пьес, но с другой стороны, отсутствие курсива уменьшает его. Когда мы вспомним, что текст авторских ремарок начала действий также уменьшает характер пьесы (см. выше), можно подвести итог, что, в общем, текст шведских переводов больше кажется текстом цельного рассказа, а не пьесы, и, таким образом, чтение шведских пьес удобнее.

Общими явлениями и в русских оригиналах и в шведских переводах является то, что имена героев пьес перед репликой и в авторских ремарках внутри текста, когда герои появляются на сцене первый раз, маркированы разрядкой букв (см. примеры 38 и 39) и то, что предложения внутри диалога часто являются эллиптическими, но так как подлежащее почти всегда находится прямо перед скобкой, предложения читателю не кажутся эллиптическими (см. пример 39).

- (37) I familjen Prosorovs hus. Ett förmak med kolonner, bakom vilka synes en stor sal. Mitt på dagen; ute är det soligt och glatt. I salen dukas bordet till frukost. Olga, klädd i en flickgymnasielärarinnas blå uniform, korrigeras oavbrutet skolhäften, stående och gående. Masja, i svart dräkt och med hatten i knäet, sitter och läser en bok. Irina, vitklädd, står försjunken i tankar. (T.s., 177)
- (38) (Bakom kolonnerna, vid bordet i salen visa sig baron Tusenbach, Tjebutykin och Soljonyj.) (T.s., 178)
(ср. в русской пьесе: За колоннами, в зале около стола показываются барон Тузенбах, Чебутыкин и Соленый. (Т.с., 115))
- (39) Irina. Gud give att allt ville ordna sig. (Ser ut genom fönstret.) Det är verkligen ett ljuvligt väder i dag... (T.s., 179)

5.2.2 Длина предложений

Во введении и в теории данной работы мы предполагали, что предложения в шведском языке были бы короче русских предложений (см. с. 2 и 30) и, что предикативных частей было бы в шведском языке меньше, чем в русском языке (см. с. 2 и 31). Результаты исследования, отвечающие на эти вопросы, представлены в таблице 14.

ТАБЛИЦА 14 Длина предложений авторских ремарок А. П. Чехова и их переводов на шведский язык

	R (= размах) русский	\bar{x} (= средний размер) шведский	s (= стандартное отклонение) русский		R (= размах) шведский	\bar{x} (= средний размер) шведский	s (= стандартное отклонение) шведский
Количество слов предложений	34	43	3,6		4,2	2,17	2,80
Количество слов простых предложений	15	14	2,2		2,7	0,74	0,69
Количество слов сложных предложений	33	43	8,3		9,5	3,63	4,02
Количество слов предикативных частей	13	12	3,2		4,0	0,62	0,57
Количество предикативных частей	6	4	2,6		2,4	0,38	0,22

Длина предложений немедленно опровергает нашу гипотезу: шведские предложения систематически длиннее русских. Различие небольшое, но, все же, поскольку то же самое явление касается всех групп анализа (например, простых и сложных предложений), различие необходимо считать значительным. Например, средний размер предложений в русском языке 3,6, а в шведском языке 4,2 и средний размер слов предикативных частей в русском 3,2, а в шведском 4,0. Так как также результаты предыдущих исследований доказывают, что предложения длиннее в русском языке (см. с. 30), необходимо сделать вывод, что функция длины предложений в этом случае является значительной — результат доказывает, что Хеммер преднамеренно употреблял предложения длиннее, чем Чехов.

Хотя наша гипотеза о длине предложений оказалась неправильной, этого не произошло с количествами предикативных частей. В среднем, в русском сложном предложении — 2,6 предикативных частей, а в шведском — только 2,4 предикативных частей. Различие, все же, не является такими большим, как мы думали перед анализом. Ведь количество предикативных частей в романе Ярла Хеммера варьируется от 1,8 до 2,2 предикативных частей, и в русском языке от 2,4 до 4 предикативных частей (см. с. 31).

Может быть, сложные предложения А. П. Чехова такие короткие, что большие различия не могут возникать.

Итак, предложения шведского корпуса длиннее русских предложений, но предикативных частей меньше в русских. Из этих фактов можно сделать вывод, что содержание авторских ремарок пьес Чехова выражено с точки зрения читателя удобнее в переводах пьес. Так как это наблюдение является одинаковым с наблюдениями раздела 5.2.1 (оформление удобнее в переводах, чем в оригиналах: точнее, см. с. 70) мы утверждаем, что внутрее представление Ярла Хеммера не соответствует представлению Чехова о функции пьес (см. с. 39-40). Мы утверждаем, что Чехов больше думал о публике театра, а Ярл Хеммер о читателе литературных произведений. Это логично, поскольку Чехову мог вполне предполагать, что его пьесы будут скорее играть в театре, чем читать дома. Однако, ситуация в Швеции, может быть, совершенно другая. Возможно, в частности, что люди слышали о творчестве А. П. Чехова и поэтому хотели читать его книги, и, вследствие этого, их надо было перевести. Однако, конечно, эти объяснения только догадки: мы не можем знать реальные ситуации России и Швеции того времени.

Удобность чтения мы заметили также сами при анализе авторских ремарок. Нас казалось, что предложения русских авторских ремарок было более разбитыми и их содержание как бы не продвигалось логично. Для удобности чтения мы нашли, значит, два объяснения: длина и неразбитость предложений и логичность содержания. В дальнейшем мы рассматриваем эти явления с точки зрения языковых средств Ярла Хеммера.

Как в теории было отмечено, структуры языков разных языковых групп могут отличаться (см. с. 28). В связи с этим мы рассматривали длину предложений сначала с точки зрения языковых различий. В результате были найдены следующие различия: глаголы со служебными словами шведского языка, артикли шведского языка и структуры с предлогами обоих языков.

Итак, типичное явление шведского языка — глаголы со служебными словами. Приведем пример:

(40) *Solen har just gått ned. (M., 9)*

(41) *Только что зашло солнце.* (Ч., 17)

В шведском языке семантика глагола часто выражается при помощи служебного слова, который в примере 40 ‘ned’. Сам спрягаемый глагол (*gått*) выражает, в частности, время действия. Русское соответствие глаголов со служебными словами — глагол с префиксом. Так как префикс и глагол в русском языке пишутся слитно и глагол и служебное слово в шведском языке отдельно, это влияет на длину предложений так, что шведские предложения короче русских.

Однакое явление артикли ‘en’, ‘ett’, ‘den’ и ‘det’ шведского языка (см. пример 42).

(42) *(Det hörs från den undre våningen ett dunkande i golvet. (T.s., 183))*
 (43) *Слышно, как стучат в пол из нижнего этажа.* (Т.с., 118)

Шведский язык входит в группу германских, а русский, в славянских языков. Германским языкам типичны определенные и неопределенные артикли, которых в славянских языках нет. Вследствие этого, в шведских предложениях слов больше, чем в русском языке.

Третье объяснение — структуры с предлогами обоих языков. В шведском языке существительные не склоняются, а связи между словами выражаются только с помощью предлогов. Также в русском языке есть предлоги, но так как существительные склоняются, возможно, что в шведских предложениях предлоги больше русских предложений и, таким образом, шведские предложения длиннее русских. Такое различие языков наглядно показано в примерах 44 и 45.

(44) *(Hon är mycket trött, yacklar på benen.)* (К., 288)
 (45) *(Она очень утомлена, даже пошатывается.)* (В.с., 178)

В начале мы думали, что одна причина лучшей читабельности переводов Ярла Хеммера была бы в употреблении союзов. Нам казалось, что их в переводах оригинальных пьес больше. Однако, так как различия в употреблении союзных сложных предложений и сложных синтаксических конструкций с сочинением и подчинением только минимальные (Чехов: 34,9 % и 17,8 % и Хеммер: 36,7 % и 18,0 %; см. таблицы 16 на с. 80 и 21 на с. 89), это объяснение оказалось неправильным. Но, конечно, эти числа не

показывают действительные количества союзов и союзных слов, а только количества предложений, включающих в себя союзы или союзные слова и, таким образом мы также не можем опровергать это объяснение. Однако, так как также обособленные обороты и эквиваленты предложения в анализе считали как сложноподчиненные предложения, хотя они в русском языке не включают в себя союз или союзное слово, и, так как обособленных оборотов больше в русском языке, чем эквивалентов предложения в шведском языке, можно сделать вывод, что все же, союзов и союзных слов в русских предложениях больше, чем в шведских.

Итак, разбитость предложений — один из факторов, влияющих на удобность чтения. При анализе мы отметили, что если в предложениях много залятых, предложения кажутся тяжелыми для чтения. Как ранее было отмечено, для Чехова типичны различные добавления (см. с. 60), которые отделены залятой (см. пример 46). Таких в переводах, в основном, нет. В частности, вследствие этого, читабельность предложений Хеммера выше, чем Чехова.

Мы старались найти также некоторые удачные языковые средства Хеммера, с помощью которых он устранил залятые, и заметили, что он использует много различных средств: систематические способы мы не нашли, так как Хеммер решил каждый случай по-разному. Все же, мы рассматриваем точнее приемы Хеммера.

Один из приемов — отсутствие залятой. Такой случай сделан наглядным в примерах 46 и 47, из которых видно, как Хеммер только отбросил залятую и таким образом соединил предикативные части у Чехова ('сидит в кресле, в саду'), вследствие чего результат '*i en länstol i parken*' имеет только одну предикативную часть.

(46) Чебутыкин в благодушном настроении, которое не покидает его в течение всего акта, сидит в кресле, в саду, ждет, когда его позовут: он в фуражке и с палкой. (Т.с., 159)

(47) *Tjebutykin sitter i en länstol i parken, synes vänta att man ska ropa an honom; han har mössa på huvudet och käpp i handen, är i en hjärlig stämning, som icke överger honom under förlöppet av hela akten.* (T.s., 254)

Обычный способ Хеммера также соединение сочинительных слов с союзом, особенно при помощи союза ‘och’ (‘и’). Больше употребление союза не видно в результатах квантитативного анализа, поскольку сочинительные члены предложения в этом исследовании не считаются собственными предикативными частями (см. с. 10). Соединение двух слов видно в примерах 48 и 49.

- (48) *Входит Наталья Ивановна в капоте, со свечой; она идет и останавливается у двери, которая ведет в комнату Андрея.* (Т.с., 131)
- (49) *Natalja Ivanovna inträder, klädd i kapott och med ett ljus i handen; hon går över golvet och stannar framför dörren till Andrejs rum.* (Т.с., 205)

Иногда Хеммер разбивал одно предложения на два. Переход границ предложений, все же, не очень обыкновенен, так как предложений в шведских авторских ремарках переводов только всего на 48 больше, чем в русских (см. таблица 13 на с. 69). Приведем пример о переходе границ предложений:

- (50) *Ирина, Кулыгин, с орденом на шее, бес усов, и Тузенбах, стоя на террасе, провожают Федотика и Родэ, которые сходят вниз, оба офицера в походной форме.* (Т.с., 159)
- (51) *Irina, Kulygin, med en orden kring halsen, utan mustascher, och Tusenbach stå uppe på terrassen och taga farväl av Fedotik och Rode, som komma ned. De båda officerarna äro i fältuniform.* (Т.с., 254)

Объяснение разбитости предложений Чехова не всегда является результатом стиля писателя, а также структуры языков влияют на употребление залятой. В частности, слова как, ‘может быть’, ‘например’, ‘как обычно’ и т. д. в русском языке всегда отделяются залятой (см. пример 52), но в шведском языке нет (см. примеры 53).

- (52) *Старая, покривившаяся, давно заброшенная человека, возле нее колонец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамня.* (В.с., 190)
- (53) *Ett åldrigt litet kapell, förfallet och längesedan övergivet; där invid en brunn och några stora stenar, vilka synbarligen en gång i tiden varit gravstenar, vidare en gammal bänk.* (К., 310)

Также придаточные предложения отделяются в русском языке запятой, а в шведском языке только иногда. Таким образом, конструкции Чехова ‘Слышно, как’, ‘Видно, как’ и т. д. в шведских соответствиях не имеют запятой, как мы видим из примеров 54 и 55.

(54) *Слышно, как в передней играет еврейский оркестр, тот самый, о котором упоминается во втором акте. (В.с., 202)*

(55) *Man hör hur den judiska orkestern spelar ute i salen, samma orkester som omnämnes i andra akten. (К., 330)*

Более того, на основе таблиц 34 и 35 на странице III видно, что придаточные предложения и обособленные обороты в русском языке употребляются в пре- и интерпозиции чаще, чем в шведском. Так как они отделяются запятой, разбитость предложений прибавляется.

Хотя предложения переводов в общем удобнее с точки зрения читателя, в анализе было найдено одно вполне противоположное явление, которое видно в примерах 56 и 57.

(56) *Направо и налево двери. (Ч., 42)*

(57) *T. h. och t. v. dörrar. (М., 51)*

Как видно, Хеммер употребляет сокращения, хотя Чехов использует цельные слова. Это трудно понять, так как, по крайней мере по нашему мнению, сокращения очень тяжело читать. Объяснение таких конструкции трудно найти — может быть, эти сокращения в шведском языке являются очень обычными или Хеммер думал, что сокращения подходят для стиля Чехова, который состоит из коротких и простых конструкций.

Выше (см. с. 71) было отмечено, что в шведских предложениях в среднем меньше предикативных частей и, что русские предложения в среднем длиннее шведских. Это наблюдение одинаково с разбитостью русских предложений: шведские предложения в общем целые, немного длиннее единых целых.

На основании этих результатов мы утверждаем, что Хеммер совершенно не был верен стилю Чехова (см. с. 42). Хотя он только случайно переходил границу предложений, он не сохранил стиль автора. Точнее

говоря, Ярл Хеммер употреблял целые предложения, хотя стиль Чехова очень разбитый. Частично, это происходит вследствие различий языков, но частично Хеммер сделал это, наверное, сознательно, так как более частое употребление залятой также в шведском языке возможно. Этот результат противоречит нашей гипотезе: ведь мы предполагали, что Хеммер не изменял бы стиль Чехова (см. с. 43).

Последняя причина, влияющий на читабельность предложений — логичность содержания предложений. В анализе было отмечено, что шведские авторские ремарки логичнее русских, что влияет на удобность чтения. На практике это видно, в частности, в том, что порядок слов логичнее и предложения полнее. Хеммер мог, в частности, прибавить подлежащее в предложение, если его в оригинале не было, или изменить порядок слов (см. примеры 58 и 59). Это объясняется также тем, что в русском языке лицо видно из личного окончания, которых в шведском языке нет (см. примеры 60 и 61). Часто подлежащее прибавлено также в предложениях с обособленным оборотом, в которых подлежащего, конечно, нет (см. примеры 62 и 63). Необходимо отметить также то, что Чехов употреблял обособленные обороты больше, чем Ярл Хеммер (см. таблица 19 на с. 85) и так как они у Чехова чаще Хеммера в пре- и интерпозиции (см. таблица 20 на с. 97), порядок действий в предложениях, может быть, у Чехова менее логичный.

Прибавления слов объясняет также, конечно, со своей стороны, различие в длине предложений. То же самое делают возвратные глаголы, в которых возвратность выражается в русском языке постфиксом -ся, и в шведском словом 'sig' (см. примеры 60 и 61).

- (58) *Входят Треплев и Полина Андреевна: Треплев принес подушки и одеяло, а Полина Андреевна постельное белье: кладут из турецкий диван, затем Треплев идет к своему столу и садится.* (Ч., 53)
- (59) *(Treplev och Polina Andrejevna komma, den föra bärande dynor och ett täcke, den senare sänglinne, som de lägga på den turkiska divanen.)* (М., 70)
- (60) *Садятся.* (Ч., 17)
- (61) *(De sätta sig.)* (М., 9)

- (62) *Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашнего спектакля, так что озера совсем не видно. (Ч., 17)*
- (63) *En bred allé, som från åskådaren sträcker sig inåt parken och fram till en sjöstrand, där en hastigt hoptimrad estrad för amatörteater skymmer utsikten, så att sjön icke alls synes. (М., 9)*

При рассмотрении размаха и стандартного отклонения трудно найти систематическую линию (см. таблица 14 на с. 71). И размах и отклонение в шведском языке (44 и 43) больше русского (34 и 33) в общем в предложениях и в сложных предложениях, а в простых предложениях и предикативных частях наоборот (шведский язык: 14 и 12; русский язык: 15 и 13). Итак, в шведских авторских ремарках возможны и очень длинные сложные предложения и отклонение количеств слов в длинных предложениях больше в шведских, но с другой стороны, в русских ремарках простые предложения и предикативные части даже длиннее шведских и их длина варьируется больше длины шведских предложений.

Этому явлению трудно найти объяснение. Видимо, стиль Чехова постоянно меняется. Если предположить, что длинные простые предложения в стиле авторских ремарок считаются необычными, некоторые длины простых предложений были бы исключениями (см. также таблица 24 на с. 108), другими словами, стилистическими средствами Чехова. Так как язык Хеммера нейтральнее (на основе опыта чтения), в его предложениях длина предложения меняется более плавно. Однако, это объяснение не является одинаковым с тем фактом, что длина сложных предложений меняется у Хеммера больше Чехова. Может быть, очень длинные предложения в стиле авторских ремарок более приемлемые и поэтому они встречаются также в предложениях Хеммера. Наконец, приведем пример длинных предложений на русском и в шведском языке:

- (64) *Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна с собачкой на цепочке, одеты по-дорожному, Варя в пальто и платке, Гаев, Симеонов-Пищик, Лопахин, Дуняша с узлом и зонтиком, прислуга с вещами — все идут через комнату. (В.с., 177)*
- (65) *Den gamla lakejen Firs, som varit till stationen för att möta sin husfru, linkar brådskande och stödd på en käpp över scenen; han är klädd i ett gammalt livré*

och hög hatt; mumlar någonting för sig själv, av vilket man ej kan uppfatta ett ord.
(K., 286)

5.2.3 Комплексность предложений

Другой аспект сравнения русского и шведского языка — комплексность синтаксических структур, которая будет рассмотрена подобно в разделе 5.2.3. Мы начнем с таблицы 15, в которой показано отношение простых и сложных предложений в русском и шведском языках.

ТАБЛИЦА 15 Простые и сложные предложения авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык	шведский язык		
	Количество	%	Количество	%
Простые предложения (в отношении всех предложений)	1799	79,0	1844	78,8
Сложные предложения (в отношении всех предложений)	479	21,0	496	21,2
Всего	2278	100	2340	100

На основании таблицы видно, что различий на практике нет, а количества простых и сложных предложений почти идентичны: в русском языке простых предложений всего 21,0 %, и в шведском 21,2. На основе этого результата можно сделать вывод, что Хеммер не разбивал длинные синтаксические структуры, но, так как предложений в шведских переводах больше, чем в русских оригиналах, этот вывод не может являться правильным (больше об этом на странице 69).

Маленькоe различие частично объясняется тем, что при разбиении сложных синтаксических конструкций возникли не только простые предложения, но и сложные предложения, как примеры 66 и 67 показывают. Другая причина маленького различия, наверное, ошибки в анализе. Ведь мы провели эту часть исследования без помощи компьютера (больше, см. с. 47).

(66) *Наташа уходит: Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу.* (T.s., 132)

(67) *(Natasja ut. (T.s., 207)
Andrey läser sin bok, lutad över ljuset som hon glömt.* (T.s., 207)

Результаты, представленные в таблице 15, доказывают также, что Хеммер не использовал в авторских ремарках пьес Чехова сложных предложений больше, чем русские писатели в общем (см. с. 28).

Хотя Ярл Хеммер немного разбивал сложные предложения, все же, таких случаев относительно мало. Это доказывает, что Ярл Хеммер не хотел изменить слишком много ритм пьес, а хотел сохранить частично стилистические черты Чехова. То же самое касается также бессоюзия, как мы видим из таблицы 16.

ТАБЛИЦА 16 Виды сложных предложений авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык	шведский язык		
	Количество	%	Количество	%
Бессоюзные предложения (в отношении всех сложных предложений)	205	42,8	225	45,4
Сложные предложения с союзной и относительной связью (в отношении всех сложных предложений)	167	34,9	182	36,7
Сложные синтаксические конструкции (в отношении всех сложных предложений)	107	22,3	89	17,9
Всего	479	100	496	100

Бессоюзные предложения обычны в обоих языках, как данные таблицы 16 доказывают. В русском языке бессоюзные предложения составляют 42,8 % всех сложных предложений, и в авторских ремарках переводов 45,4 %. Точнее говоря, при сопоставлении в предложениях Ярла Хеммера 2,6 % больше бессоюзных предложений, чем в предложениях Чехова. Такой результат противоречит гипотезе, сделанной нами в ходе исследования. Ведь мы написали в теории (с. 15-16): «...что бессоюзие вообще не отмечается в русских грамматиках и, если отмечается, не классифицируется в особую группу.» На практике это предложение содержит сомнение о наличии бессоюзных предложений в переводах Хеммера.

Различие в частоте бессоюзных предложений можно считать стилистически важным. Мы толкуем его так, что Ярл Хеммер сохранил бессоюзие в авторских ремарках, так как он хотел сохранить стиль Чехова. Тем самым, бессоюзие, видимо, не звучало так странно, как разбитость предложений (см. с. 74) так как Хеммер не заменял бессоюзные предложения союзными предложениями.

Маленькое различие мы нашли также в длине бессоюзных предложений. Большинство, конечно (ведь в авторских ремарках предложения в основном простые), бессоюзных предложений в обоих языках двухчленное. Однако, кажется, что в русских оригиналах больше бессоюзных предложений с тремя или более предикативными частями (см. таблицы 32 и 33 на с. II0 и III). Итак, хотя Хеммер хорошо имитировал стиль Чехова, он не смел имитировать самые длинные бессоюзные предложения. Это явление можно опять объяснить тем, что длинные предложения без связующих средств не являются типичным чертом шведского языка (см. с. 15-16). Может быть, это влияет на меньшее количество длинных бессоюзных предложений.

Сложных предложений с союзной и относительной связью в шведских предложениях немного больше, чем в русских. Это легко понять, поскольку при чтении казалось, что частота союзов и союзных слов в переводах больше оригинальных текстов (об этом больше на с. 73-74). С другой стороны, мы предполагали, что их в переводах больше, чем результаты исследования свидетельствуют.

Относительно сложных синтаксических структур наша гипотеза оказалась, все же, вполне правильной. Их в тексте А. П. Чехова 22,3 %, и в авторских ремарках Хеммера только 17,9 % всех сложных предложений. Ведь мы на основе нашего опыта предполагали, что шведская синтаксическая структура проще русской. По нашему мнению, хотя различие небольшое, количества, все же, доказывают этот факт. Особенно, когда мы помним, что различия в стиле такого типа как язык авторских ремарок, в общем маленькие, как мы уже много раз видели. С другой стороны, маленькое различие доказывает также стремление сохранить стиль авторских ремарок Чехова.

Сохранение стиля Чехова, очевидно, является также причиной результатов следующей таблицы.

ТАБЛИЦА 17 Сложные предложения с союзной и относительной связью авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык		шведский язык	
	Количество	%	Количество	%
Сочиненные предложения (в отношении всех сложных предложений с союзной и относительной связью)	87	52,1	108	59,3
Подчиненные предложения (в отношении всех сложных предложений с союзной и относительной связью)	80	47,9	74	40,7
	167	100	182	100

Как видим, 59,3 % всех шведских сложных предложений с союзной и относительной связью сочиненные. Когда мы отметим еще, что то же самое количество русских предложений (52,1 %) даже на 7,2 % меньше количества шведских сложносочиненных предложений, вполне обоснованно утверждать, что Хеммер считал сочинение стилистической чертой авторских ремарок Чехова и хотел сохранить его. Кажется, что он в этом случае даже преувеличивал, поскольку различие такое большое.

Конечно, возможно, что Хеммер понимал некоторые контексты с подчинительными союзами более сочинительными, но такое объяснение мы считаем маловероятным, так как русские и шведские союзы и союзные слова в основном соответствуют друг другу, и, таким образом, вероятно, что подчинительные союзы привели к "подчинительному представлению" о содержании предложения.

Большинство сложносочиненных предложений включали в себя только две предикативные части, как и следовало ожидать, так как многие сложносочиненные предложения классифицированы в группу "сложные синтаксические конструкции с сочинением и бессоюзной связью" (см. с. 17).

Подчиненных предложений в русских авторских ремарках (47,9 % в отношении всех сложных предложений с союзной и относительной связью)

больше шведских (40,7 %). В общем, различия употребления сложноподчиненных предложений являются интересными, так как мы уже отметили, что в их употреблении есть большие различия в русском и в шведском языках. Именно такие проблемы будут рассмотрены на основе таблиц 18, 19 и 20. Мы начнем с данных таблицы 18.

ТАБЛИЦА 18 Отношение придаточных предложений друг к другу авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык	шведский язык		
	Количество	%	Количество	%
Последовательные придаточные предложения (в отношении всех придаточных частей, если в сложном предложении больше, чем одна придаточная часть)	10	58,8	7	46,7
Непоследовательные придаточные предложения (в отношении всех придаточных частей, если в сложном предложении больше, чем одна придаточная часть)	7	41,2	8	53,3
Всего	17	100	15	100

Из таблицы ясно видно отношение придаточных предложений друг к другу в обоих языках. Так как частота предложений, состоящих из больше, чем одного предложения, в обоих языках очень маленькая, мы не рассматриваем процентные данные таблицы, а только количества предложений.

Всего количества предложений, состоящих из больше, чем одного предложения, почти равны. В авторских ремарках А. П. Чехова их 17 и в переводах 15. Так как количества маленькие, их функцию нельзя преувеличивать, но потому, что такие конструкции являются очень интересными, мы, все же, рассматриваем их подробнее.

В авторских ремарках Чехова было найдено всего 10 последовательных придаточных предложений, но в шведских переводах только 7. Так как последовательные придаточные предложения в русских ремарках часто не имели главного члена, мы начали искать причину тому, что в шведских переводах последовательных придаточных предложений на

три меньше, чем в русских. Почему? Как Ярл Хеммер переводил такие конструкции на шведский язык?

При кратком квазитативном анализе оказалось, что в шведских переводах авторских ремарок конструкций с двумя придаточными предложениями, но без главного члена на практике не было, а такие предложения были переведены с помощью главных и придаточных предложений (см. приемеры 68 и 69) или с помощью причастия настоящего времени (см. примеры 70 и 71).

- (68) *Тузенбах (всплеснув руками и смеясь). (T.c., 137)*
- (69) *Tusenbach (slår ihop händerna och skrattar). (T.s., 216)*
- (70) *(Думая, что Андрей спрашивает его о чем-то.) (T.c., 132)*
- (71) *Troende att Andrej frågar honom om något) (T.s., 208)*

На основе примеров 68 и 69 можно сделать вывод, что, по крайней мере некоторые деепричастные обороты русского языка являются близкими к главным предложениям. Это мы мотивируем тем, что деепричастные обороты переведены главными предложениями (всплеснув руками => slår ihop).

Другое важное наблюдение, которое сделано на основе этих примеров то, что причастия настоящего времени шведского языка на практике соответствуют деепричастным оборотам русского языка. Таким образом, форма ‘Думая’ переведена на шведский ‘Troende’. Все же, деепричастные обороты русского языка классифицировались в группу обособленных оборотов, а причастия настоящего времени шведского языка не классифицировались в группу эквивалентов предложений (по крайней мере согласно Йёргенсену и Свенссону, об этом см. с. II).

В конечном итоге, мы обратим внимание на то, что примеры 70 и 71 являются прекрасными примерами о общей линии переводов: Хеммер часто переводил слово в слово.

Следующая проблема, касающаяся придаточных предложений их вид, другими словами то, является ли придаточное предложение обособленным оборотом (эквивалентом предложения) или это придаточное предложение. Результаты анализа, отвечающие на этот вопрос, представлены в таблице 19.

ТАБЛИЦА 19 Вид придаточных предложений авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык	шведский язык		
	Количество	%	Количество	%
Придаточное предложение (в отношении всех придаточных частей)	82	42,3	91	59,5
Обособленный оборот (в отношении всех придаточных частей)	112	57,7	62	40,5
Всего	194	100	153	100

Может быть, самое значительное различие русских и шведских авторских ремарок — употребление обособленных оборотов и эквивалентов предложения. В таблице 19 показано это различие: в русских предложениях обособленных оборотов 57,7 %, в шведских эквивалентов предложения только 40,5 %. Итак, на 17,2 % меньше, чем в русских предложениях.

Такое различие было бы легко объяснить легкостью обособленных оборотов и тяжестью шведских эквивалентов предложения. Однако, по крайней мере, языковое чутьё автора данного исследования подсказывает, что ситуация обратная: эквиваленты предложения шведского языка легкие и их удобнее считать, чем обособленные обороты русского языка. Это мнение подкрепляет тот факт, что причастные и деепричастные обороты в русском языке носят книжный характер. Исключением из тяжелых конструкций в этом смысле можно считать адъективные обороты, классифицируемые в группу обособленных оборотов (см. с. 11).

Так как это первое объяснение невозможно считать удачным, необходимо найти другое. Видимо, вследствие того, что Чехов много употреблял обособленные обороты, особенно причастные и деепричастные обороты (см. с. 60), у Хеммера возникла проблема, так как, во-первых, соответствий причастных и деепричастных оборотов, нет (исключение ‘Думая’ — ‘Troende’, см. выше, с. 84), но ему необходимо перевести такие конструкции придаточными предложениями, и во-вторых, может быть, Хеммер хотел писать для читателей пьес, а не для театра, и поэтому он выбирал более легкие конструкции. Далее, мы рассмотрим работу переводчика немного подробнее на основе примеров.

Результаты краткого качественного анализа оказались очень интересными. Его основный результат то, что никакой логики у Хеммера в его работе не было, а он переводил каждый контекст по-разному. Кроме этого, хотя Хеммер часто переводил слово в слово (см. примеры 70 и 71 на с. 84), все же, это не всегда касалось придаточных предложений и обособленных оборотов/эквивалентов предложения, а он мог перевести, например, придаточное предложение конструкцией с предлогом (примеры 72 и 73) или наоборот. Конечно, во многих случаях он перевел придаточное предложение также придаточным предложением и обособленные обороты эквивалентами предложения, как примеры 74, 75, 76 и 77 показывают.

- (72) *Налево — дверь, ведущая в покой; направо — дверь в сени; подле правой двери положен половик, чтобы не нагрязнили мужики.* (Д.В., 104)
- (73) *Till vänster dörr till de övriga rummen; till höger dörr till farstun, framför denna en grov matta, avsedd för böndernas smutsiga fötter.* (О.В., 157)
- (74) *Комната, которая до сих пор называется детскую.* (В.с., 175)
- (75) *Ett rum som fortfarande går under namnet "barnkammaren".* (К., 283)
- (76) *Идет Сорин, опираясь на трость, и рядом с ним Нина; Медведенко катит за ними пустое кресло.* (Ч., 32)
- (77) *(Sorin kommer, stödd på sin käpp, vid hans sida Nina.* (М., 35)

Особенно обычное средство перевода причастных и деепричастных оборотов у Хеммера было перевести обособленные обороты главным и бессоюзным предложением, как в примерах 78, 79, 80 и 81. Найдены были также случаи, в которых деепричастный оборот переведены наречиями способа (см. примеры 82 и 83) и случаи, в которых всю структуру изменили (см. примеры 84 и 85). Эти способы перевода объясняют также то, что придаточных предложений в шведских предложениях меньше, чем в русских (см. таблица 20).

- (78) *(Подбоченясь, тихо поет.)* (Д.В., 84)
- (79) *(Sätter händerna i sidorna, sjunger sakta)* (О.В., 123)

- (80) *Войницкий (кладет букет на стул; волнуясь, вытирает платком лицо и за воротником). (Д.В., 97)*
- (81) *Vojnitskij (lägger buketten på en stol; stark sinnesrörelse, torkar sig med näsduken över ansiktet och under kragen.) (O.V., 146)*
- (82) *В глубине направо дом с большою террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. (Ч., 31)*
- (83) *I fonden till höger huvudbyggnaden med en stor terrass, till vänster synes sjön, som solen gnistrande speglar sig i. (М., 33)*
- (84) *В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. (В.с., 190)*
- (85) *På ena sidan höjer sig en krans av dunkla poplar: där vidtar körsbärsträdgården. (К., 310)*

Это средство перевода объясняет также данные следующей таблицы, в которой представлена позиция придаточных предложений в русском и в шведском языках.

ТАБЛИЦА 20 Позиция придаточных предложений авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык		шведский язык	
	Количество	%	Количество	%
Препозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	33	17,4	4	2,7
Интерпозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	16	8,6	6	4,1
Постпозиция придаточной части (в отношении всех придаточных частей)	137	73,7	137	93,2
Всего	186	≈100	147	100

Постпозиция придаточных частей самая обычная в обоих языках, что одинаково с нашей теорией (см. с. 18), согласно которой более тяжелые части вообще располагаются в конце сложного предложения.

Однако, А. П. Чехов использовал также другие позиции придаточной части, в препозиции 17,4 % и интерпозиции 8,6 % всех придаточных частей. Те же самые количества шведских предложений — только 2,7 % и 4,1 %. Как мы выше уже заметили, объяснениями являются те же самые, как и объяснения вида придаточных предложений: обособленные обороты русских

ремарок часто заменяли другими конструкциями, и, поскольку обособленные обороты часто находятся в начале или внутри предложения, в шведских предложениях уменьшалось именно количество придаточных частей в пре- и интерпозиции. Далее, еще один пример этого явления.

(86) (*Освободившись, вбегает и ищет глазами Серебрякова.*) (Д.В., 103)

(87) (*Gör sig lös, rusar in, hans ögon söka Serebrjakov.*) (О.В., 156)

Позиция придаточных частей в шведских предложениях влияет на удобность чтения, как мы уже ранее заметили (с. 77). Выше мы нашли некоторые конкретные объяснения этого явления. Теперь нас интересует, почему Хеммер часто изменял позицию придаточных предложений. Во-первых, мы предполагаем, что изменения влияли на авторские ремарки так, что их легче читать (см. с. 40), но мы предполагаем также, что языки отличаются при этом. В русском языке препозиция причастных и особенно деепричастных оборотов нормальная, но хотя такая позиция эквивалентов предложения возможна также в шведском языке (Jörgensen & Svensson 1987, 118-132), может быть, она более неестественная. Если это толкование правильное, оно свидетельствует о том, что Хеммеру надо было делать изменения в синтаксических структурах авторских ремарок льес в переводе.

Последняя таблица данного исследования освещает количества сложных синтаксических структур русских оригиналов и шведских переводов.

ТАБЛИЦА 21 Сложные синтаксические конструкции авторских ремарок в русском и шведском языках

	русский язык	шведский язык		
	Количество	%	Количество	%
Сложные синтаксические конструкции с сочинением и подчинением (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	19	17,8	16	18,0
Сложные синтаксические конструкции с сочинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	29	27,1	32	36,0
Сложные синтаксические конструкции с подчинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	38	35,5	32	36,0
Сложные синтаксические конструкции с сочинением, подчинением и бессоюзной связью (в отношении всех сложных синтаксических конструкций)	21	19,6	9	10,1
Всего	107	100	89	≈100

Количества сложных синтаксических конструкций с сочинением и подчинением на практике одинаковы. Таких конструкций в русских предложений 17,8 % всех сложных синтаксических конструкций, и в шведских предложениях 18,0 %. Те же самые цифры сложных синтаксических конструкций с подчинением и бессоюзной связью 35,5 % и 36,0 %.

Различие можно найти в количестве сложных синтаксических конструкций с сочинением и бессоюзной связью. Сложных синтаксических конструкций с сочинением и бессоюзной связью в русских предложениях 27,1 % всех сложных синтаксических конструкций и в шведских предложениях 36,0 %. Различие русского и шведского языка довольно большое: в шведских предложениях таких конструкций на 8,9 % больше русских. Может быть, Хеммер старался сохранить стиль Чехова сохранив бессоюзные и сложносочиненные предложения, так как они типичны для Чехова.

Большинство сложных синтаксических конструкций трехчленные в обоих языках. Но в русских авторских ремарках были также некоторые более длинные предложения. В шведских предложениях эти конструкции в среднем короче русских: то же самое явление оказалось также, что касается бессоюзных предложений (см. с. 81), и поэтому мы смеем утверждать, что оба эти явления свидетельствуют о простоте шведских синтаксических структур.

Ранее мы уже обратили внимание на то, что сложных синтаксических конструкций в шведских предложениях меньше, чем в русских. Сейчас мы отметим, что это касается также сложных синтаксических конструкций с сочинением, подчинением и бессоюзной связью — в отношении всех сложных синтаксических конструкций их в русских авторских ремарках 19,6 %, в шведских только 10,1 %. Вместе эти результаты доказывают, что предложения в шведском языке проще русских (см. с. 2).

Причина явления — переход границ сложных предложений, вследствие чего количество предложений в шведском языке больше русского (см. таблица 13 на с. 69). Хеммер разбивал длинные, тяжелые конструкции, может быть, чтобы текст было бы легче читать. Приведем два примера.

- (88) *Пока они разговаривают, Аркадина и Полина Андреевна ставят среди комнаты ломберный стол и раскрывают его: Шамраев зажигает свечи, ставит стулья. (Ч., 59)*
- (89) *(Medan de samtala, skjuta Arkadina och Polina Andrejevna fram ett spelbord mitt i rummet och slå upp det. (M., 78)
Sjamraev tändar ett par ljus och ställer stolar omkring bordet. (M., 78)*
- (90) *Треплев молча подает руку: Медведенко уходит. (Ч., 53)*
- (91) *(Treplev ger honom tigande sin hand. (M., 70)
Medvedjenko går.) (M., 70)*

Из примеров видно, что сложные предложения разбивали вместе точки с заятыми. Это наблюдение является очень интересным с точки зрения знаков препинания, которые будут рассмотрены в разделе 5.24.

5.2.4 Знаки препинания

В конечном итоге мы рассмотрим кратко употребление знаков препинания в авторских ремаках оригинальных пьес и в их переводах. Как и следовало ожидать, в употреблении больших знаков препинания, таких как точки, восклицательного знака и вопросительного знака (которых нет в ремарках) различий не было.

С точки зрения употребления других знаков препинания ситуация не является такой простой. В основном, Ярл Хеммер использовал знаки препинания одинаково с Чеховым, что по нашему мнению, свидетельствует о том, что он хотел сохранить стиль Чехова в своих переводах. Например, в употреблении двоеточия не было найдено различия. Однако, что касается точки с залятой и тире, ситуация интересная — наблюдения были частично одинаковыми с нашей гипотезой, частично не были.

Первая проблема в текстах был залятая. В теории данного исследования мы обратили внимание на то, что в каждом языке есть свои правила употребления залятых (см. с. 25). Однако, мы не могли представить, что самое большое различие в употреблении знаков препинания — залятая. Точнее говоря, проблема была в том, что Хеммер не сохранил разбитый стиль Чехова, а писал целые предложения и, вследствие этого, залятых в переводах меньше, чем в оригинальных пьесах (о разбитости подробнее см. с. 74). С точки зрения читателя это, по нашему мнению, удобнее.

Кроме стиля текста, на употребление залятой влияли языковые причины. При анализе придаточных предложений (см. с. 76) было отмечено, что придаточные предложения отделяются залятой в русском языке чаще, чем в шведском языке (см. примеры 92 и 93). Более того, слова как ‘обыкновенно’, ‘может быть’, ‘например’ и т. д. отделяются залятой в русских предложениях но не в шведских (см. примеры 94 и 95). Вследствие этих трех причин (стиль и язык) в русских текстах можно найти больше залятых, чем в шведских переводах. В примерах 94 и 95 представлены типичное русское предложение и его шведское соответствие, с помощью которых видно различие в количестве залятых.

- (92) *Видно, что в доме еще не ложились спать.* (Т.с., 147)
- (93) *Det är tydligt att man ännu icke gått till sängs i huset.* (Т.с., 232)
- (94) *На диване лежит Маша, одетая, как обыкновенно, в черное платье.* (Т.с., 147)
- (95) *På en divan ligger Masja, såsom vanligt klädd i mörkt dräkt.* (Т.с., 232)

Наконец мы отметим, что мы в нашем кратком анализе нашли также шведское предложение, в котором Хеммер прибавил залятые, как пример 97 показывает. Может быть, это является попыткой Хеммера имитировать стиль Чехова.

- (96) *Фирс во фраке приносит на подносе сельтерскую воду.* (В.с., 202)
- (97) *Firs, i frack, bjuder omkring seltersvatten på en bricka.* (К., 330)

Итак, в отношении точки с залятой мы предполагали, что мы найдем различие. Так и получилось. В основном, Хеммер употреблял этот знак одинаково с Чеховым, но вследствие разбития сложных предложений их количество в текстах немного уменьшилось, как из примеров 98 и 99 видно.

- (98) *Идет Сорин, отираясь на трость, и рядом с ним Нина: Медведенко катит за ними пустое кресло.* (Ч., 32)
- (99) *(Sorin kommer, stödd på sin käpp, vid hans sida Nina.) (M., 35)
Efter dem Medvedenko, skjutande framför sig en tom rullstol.) (M., 35)*

Однако, хотя Хеммер в основном употреблял точку с залятой одинаково, в анализе было найдены также случаи, в которых точку с залятой заменили другим знаком препинания (см. пример 101) и случаи, в которых другой знак препинания заменил точку с залятой (см. пример 103).

- (100) *Комната Ивана Петровича: тут его спальня, тут же и контора имения.* (Д.В., 104)
- (101) *Ivan Petrovitjs rum, samtidigt sovrum och godsets kontor.* (О.В., 157)
- (102) *Чемодан и картонки, заметны приготовления к отъезду.* (Ч., 42)
- (103) *En kappsäck och kartonger; det hela ger intryck av en förestående avresa.* (М., 51)

В употреблении тире трудно найти сходства, так как в основном, в шведских авторских ремарках тире нет. Оно отсутствует (см. примеры 104 и 105) или его заменили глаголом, как в примере 107. Если в тексте переводов было тире, оно находилось после точки (см. пример 109), и его функция не была функцией знаком препинания. Исключением этих предложений является пример III, в котором Хеммер прибавил тире, хотя его нет в оригинальном тексте. Объяснения для этого трудно найти, может быть, Хеммер снова имитировал стиль Чехова? В конечном итоге, отметим, что в этом материале тире пишется одинаково в обоих языках.

- (104) *Выходят в гостиную: в первой паре Пищик и Шарлотта Ивановна, во второй — Трофимов и Любовь Андреевна, в третьей — Аня с почтовым чиновником, в четвертой — Варя с начальником станции и т. д. (В.с., 202)*
- (105) *Man kommer invandrande i förmaket, som första par Pisjtjik och Charlotta Ivanovna, som andra par Trofimov och Ljubov Andrejevna, som tredje Anja och en postjänsteman, som fjärde Varja med stationsinspektorn o. s. v. (К., 330)*
- (106) *На той стороне реки — лес. (Т.с., 159)*
- (107) *På andra sidan floden yidtar skog. (Т.с., 254)*
- (108) *Три двери: направо, налево и посередине. (Д.В., 91)
День. (Д.В., 91)*
- (109) *Tre dörrar: till. h., t. v. och i mitten. (О.В., 135)
— Mitt på dagen. (О.В., 135)*
- (110) *За сценой в глубине гул. (В.с., 214)
Это пришли прощаться мужики. (В.с., 214)*
- (III) *Bakom scenen oväsen — bönderna ha kommit för att taga farvälv.*

С точки зрения нашей гипотезы результаты, касающиеся точки с залятой и тире, являются интересными. Ведь мы предполагали, что они употребляются больше в русских текстах, чем в шведских переводах (см. 27). Все же, результаты укрепили только гипотезу о употреблении тире, которое действительно в шведских переводах на практике не используется. А гипотезу об употреблении точки с залятой оказалась, по крайней мере, частично, неправильной. Она употребляется в обоих языках почти одинаково.

На основании этих фактов поднимается вопрос о том, почему Хеммер употреблял точку с залятой, но не тире. Наше объяснение этого явления то, что точка с залятой в шведском языке типичнее, чем тире и поэтому для Хеммера естественнее употреблять именно точку с залятой, но не тире, которое звучит "не по-шведски".

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данного исследования заключалась в выявлении синтаксической структуры авторских ремарок пьес А. П. Чехова и их переводов на шведский язык. Мы старались выяснить, как в синтаксических структурах отражается, с одной стороны, стиль авторских ремарок, и, с другой стороны, стиль писателя. В основе исследования было представление о том, что у пьес две функции: они написаны для театра и для читателя литературы.

Другой целью являлось выяснение синтаксической структуры переводов авторских ремарок пьес Чехова. Мы ставили цель сравнить перевод и оригинал друг с другом и, на основании этого, выяснить, как хорошо переводчик сохранил стиль и ритм авторских ремарок Чехова и как особенности шведского языка проявляются в переводах. Мы предполагали, что синтаксическая структура переводов проще русских текстов: сложные предложения шведского корпуса включали бы в себя меньше предикативных частей, чем русские, и шведские предложения были бы в общем короче русских. Более того, мы предполагали, что в употреблении знаков препинания было бы возможно найти различия. Кроме этих конкретных проблем нас интересовало также внутреннее представление переводчика о функции пьес (см. выше).

Согласно нашему исходному предположению, мы ознакомились с предыдущими исследованиями и на основании их написали теорию данного исследования. В начале была представлена теория, на которой основывалась классификация анализа, и после этого — особенности употребления знаков препинания и длина предложений в русском и шведском языках. Так как в работе анализируются язык авторских ремарок Чехова и их переводов на шведский, в теории были кратко рассмотрены также язык авторских ремарок, синтаксис А. П. Чехова и перевод пьес. Однако, вследствие того, что данное исследование не являлось специальным исследованием теории перевода, мы не обдумывали именно теорию перевода очень глубоко.

Материалом исследования являлись авторские ремарки пьес А. П. Чехова "Три сестры", "Вишневый сад", "Дядя Ваня" и "Чайка", которые написаны в 1896-1904-ых годах, и их переводов на шведский язык, которые написаны Ярлом Хеммером в 1928-ом году.

Основным методом был квазитативный анализ, с помощью которого был проанализирован корпус. Практическую работу провели без помощи компьютера: результаты этой стадии видны в форме таблиц в приложении в конце работы. Основательные результаты были получены при помощи компьютерной программы Excel 97, на которой были сосчитаны во-первых, средний размер, стандартное отклонение и размах русских и шведских предложений корпуса на основании таблиц 22-31, и, во-вторых, процентные отношения предложений русских и шведских предложений на основании таблиц 32-35.

Для выяснения комплексности предложений предложения корпуса кодировали. Кодирование основывалось на теории данной работы. Чтобы коды были бы легче помнить, их выбрали логически, и, чтобы они не являлись бы дублирующими, их выбрали иерархически.

На надежность исследования влияло, конечно, то, что корпус обработали без компьютера. Причиной этого являлся тот факт, что имеющиеся компьютерные программы не понимают кириллических букв. Чтобы достичь лучшей надежности, мы, все же, старались работать

аккуратно и просмотрели некоторые части практической работы вторично. Более того, все арифметические задачи были сделаны на компьютере.

При квантитативном анализе оказалось, что синтаксические структуры авторских ремарок пьес Чехова простые и предложения в среднем короткие. Особенно это касается авторских ремарок, находившихся внутри реплик и внутри текста. В начале действий предложения длиннее и сложнее, в следствие чего авторские ремарки в такой позиции напоминают авторское повествование. В целом стиль авторских ремарок А. П. Чехова, все же, является разбитым, что выяснилось при сравнении русских и шведских предложений. На основе разбитости, простоты и краткости синтаксической структуры мы сделали вывод, что Чехов писал свои пьесы более для театра, чем для читателей литературы.

В авторских ремарках ясно отражались черты, являющиеся типичными для языка Чехова в общем. В предложениях много бессоюзных и сложносочиненных предложений и придаточные предложения простые. Очень сложных придаточных предложений не было. Союзы Чехова были обычными (например союз ‘и’), в предложениях было много добавлений и безличных конструкций, правда, только в начале действий. Особенно часто в ремарках встречались наречия на -о. Исключениями из стиля Чехова были только отсутствие контактирующих союзов, вводных слов и повторение одинаковых союзов.

Из знаков препинания самые обычные были, конечно, точка и залятая, но и точка с залятой. Двоеточий, многоточий и тире в ремарках мы нашли меньше, чем предполагали. Отсутствие многоточия можно объяснить тем, что его часто употребляют в написанном разговорном тексте, в частности, в диалоге пьес, как Чехов и делал.

Уже из оформления переводов можно сделать вывод, что они написаны более для читателя, чем оригинальные тексты Чехова. Прежде всего такое толкование можно сделать на основании того, что Хеммер не употреблял так же маленькие буквы, как Чехов. С другой стороны, Хеммер использовал больше Чехова скобки, которые влияют на авторские ремарки так, что они кажутся более оговорками.

Сравнение синтаксических структур русских и шведских пьес показало, что Хеммер частично сохранил стиль Чехова, но также, что он разбивал ритм предложений. Мы толковали эти результаты таким образом, что внутреннее представление Ярла Хеммера отличается от представления Чехова; Хеммер писал более для читателя, чем для театра. На практике это видно, по нашему мнению, в длине предложений. Кроме этого, предложения не являлись такими разбитыми, как у Чехова и содержание предложений представлены в предложениях Хеммера более логично.

Тот факт, что в шведских пьесах предложения являлись в среднем длиннее, чем в русских предложениях, можно объяснить следующим образом. Во-первых, в шведском языке есть глаголы со служебными словами, которых в русском языке нет, а содержание служебного слова выражается префиксом. Во-вторых, в шведском языке есть определенные и неопределенные артикли, которых нет в русском языке. В-третьих, в шведском языке существительные не склоняются, а связи членов предложений всегда выражаются при помощи предлогов. В-четвертых, в шведском языке возвратность выражается возвратными глаголами, включающими в себя отдельное возвратное наречие ‘sig’, отвечающее русскому постфиксу ‘-ся’ и наконец, вероятно, в предложениях переводов авторских ремарок больше союзов и союзных слов, чем в оригинальных текстах.

Причиной неразбитости предложений было меньшее количество залятых и добавлений. Залятые были устраниены, в частности, соединением сочинительных членов предложений и разбианием предложений. Более того, также особенности шведского языка влияли на количество залятых. Так, например, слова как ‘например’, ‘может быть’ и ‘в частности’ требуют залятых в русском языке, но не в шведском языке и придаточные предложения отделяются залятой чаще в шведском языке, чем в русском языке.

Причиной логичности был более логичны порядок членов предложения и предикативных частей. Таким образом, Хеммер, в частности, добавил подлежащее в предложениях или изменил порядок слов.

Придаточные предложения находились также реже в пре- и интерпозиции, чем у Чехова.

Однако, хотя Хеммер разбивал ритм авторских ремарок, он также сохранил стилистические черты Чехова. Основным средством было просто то, что он часто переводил слово в слово. Другие были употребление бессоюзных и сложносочиненных предложений, которые он употреблял даже больше Чехова. Наконец, мы принимаем еще во внимание и то, что Хеммер не заменил точку с запятой запятой, а сохранил этот знак препинания в сложных предложениях авторских ремарок.

Работа переводчика не легка. Структуры языков не всегда одинаковы, и переводчику надо пойти на компромисс в своей работе и в переводе изменить синтаксические структуры исходного текста на структуры языка перевода. Такие изменения в переводах авторских ремарок были найдены также в переводах авторских ремарок, хотя они в общем короткие. Хеммер, в частности, разбивал сложные предложения на простые и сложные предложения и употреблял больше придаточные предложения, чем эквиваленты предложения. Бессоюзные предложения были вообще короче, чем русские бессоюзные предложения, как и в общем предложения. Кроме простоты предложения они были длиннее (причины, см. выше).

Особенное важное наблюдение — употребление обособленных оборотов/эквивалентов предложения. В русском языке они чаще шведского находились в пре- и интепрозии, но так как в шведском языке полных соответствий нет, Хеммер заменял их, в частности, собственными предикативными частями. Исключением являются деепричастия несовершенного вида ('думая'), которые близки к причастиям настоящего времени шведского языка ('troende').

Различия русского и шведского языка встречались также в употреблении знаков препинания. Хотя Ярл Хеммер сохранил точку с запятой, он устранил тире в своих переводах. Видимо, он не считал тире шведским знаком препинания. Кроме тире, различие возникло также в употреблении запятой, как выше уже было замечено.

Так как квантитативный метод доминировал в данном исследовании, мы не получили глубокой информации о мире идей Ярла Хеммера. Поэтому нас интересовало бы продолжить эту работу начав ознакомление с исследованиями о его работах или о его жизни. Мы могли бы также исследовать систематически его переводы или разные переводы пьес Чехова. Таким образом, мы получили бы больше информации именно о стиле авторских ремарок и различий русского и шведского языков. Ведь данное исследование касается лишь четырех пьес и переводов одного переводчика. Важно было бы изучить переводы разных периодов, так как на основе этого исследования мы ничего не можем сказать, например, о то, как время влияло на употребление знаков препинания, хотя мы знаем, что их употребление варьировалось в разные периоды.

Открытыми остались также вопросы перевода с точки зрения теории перевода. Такие проблемы в данном исследовании рассматривались слишком поверхностно, хотя мы все время анализировали тексты двух разных языков. Этот недостаток надо обязательно устранить в дальнейших исследованиях.

ИСТОЧНИКИ

Tsehov, A. P. 1928. Tre systrar; Måsen; Onkel Vanja; Körbärsträdgården. Fyra skådespel. Översättning av Jarl Hemmer. Stockholm: Holger Schildts Förlag.

Чехов, А. П. 1972. Пьесы. Чайка, Дядя Ваня, Три сестры, Вишневый сад. Москва: Издательство Детская литература.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова, Г. Н. 1973. Размер предложения как фактор стилистики и грамматики. (На материале русского литературного языка XVIII в.) *Вопросы языкознания*, 2, 67-79.

Бабайцева, В. В. — Максимов, Л. Ю. 1981. Современный русский язык. В трех частях. Синтаксис. Пунктуация. Москва: Просвещение.

Бадаева, Н. П. 1972. Разговорная речь в произведениях А. П. Чехова. *Русская речь*, 4, 3-6.

Балухатый, С. Д. 1969. Проблемы драматургического анализа. Чехов. Nachdruck der Ausgabe Leningrad 1927. Slavische Propyläen, Band 68. München: Wilhelm Fink Verlag.

Баранов, А. Н. — Крейдлин, Г. Е. 1992. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания*, 2, 84-99.

Биренбаум, Я. Г. 1982. К теории сложного предложения (на материале английского языка). *Вопросы языкознания*, 2, 50-58.

Васева-Кадынкова, Ив. 1972. Диалог без авторского текста. *Русская речь*, 5, 38-43.

Виноградов, В. В. 1963. Стилистика. Тетрия поэтической речи. Поэтика. Москва: Издательство Академии Наук СССР.

Виноградова, В. Н. 1982. Об эволюции стиля А. П. Чехова. (Особенности правки.) *Стилистика художественной литературы*. Москва: Издательство Наука, 85-98.

Воробьевая, Г. Ф. — Панюшева, М. С. — Толстой, И. В. 1975. Современный русский язык. Синтаксис. Москва: Русский язык в школе, 5, 74-78.

Глухих, В. М. 1998. Заметки о стилистике многочленных предложений. *Русский язык в школе*, 5, 74-78.

- Григорьян, Е. Л. 1990. Изобразительные синтаксические конструкции в художественной прозе А. П. Чехова. *Языковое мастерство А. П. Чехова* (под ред. Ткаченко Л. Т.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 99-102.
- Гурбанов, В. В. 1957. О стиле драматургии А. П. Чехова. *Русский язык в школе*, 3, 42-50.
- Изотова, Н. В. 1990. О порядке слов в вопросительных предложениях художественной прозы А. П. Чехова. *Языковое мастерство А. П. Чехова* (под ред. Ткаченко Л. Т.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 83-89.
- Калашникова, Г. Ф. — Стаканкова, Т. П. 1990. Сложные предложения с контактирующими союзами в произведениях А. П. Чехова. *Языковое мастерство А. П. Чехова* (под ред. Ткаченко Л. Т.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 74-83.
- Качаева, Л. А. 1985. «Красочность и выразительность достигаются только простотой...» *Русская речь*, 1, 8-13.
- Кочинева, О. К. 1984. Лингвистические средства «остранения» в рассказах А. П. Чехова «Каштанка» и «Белолобый». *Вопросы стилистики. Стилистические средства русского языка*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 159-168.
- Краткая русская грамматика. 1989. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва: Русский язык.
- Крючков, С. Е. — Максимов, Л. Ю. 1969. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Москва: Просвещение.
- Кузнецов, С. Н. 1985. О функциях ремарки в чеховской драме. *Русская литература*, 1, 140-154.
- Куликова, Г. С. 1985. Сигнали разговорности в спечической речи. *Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 159-168.
- Левин, В. 1990. Некоторые черты языковой структуры диалога в драматургии Чехова. Kluge, Rolf-Dieter. (ed.). *Anton P. Cechov. Werk und Wirkung. Vorträge und Diskussionen eines internationalen Symposiums in Badenweiler im Oktober 1985. Teil I*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 208-220.
- Луковы, В. и Вл. 1969. О ремарках в пьесах Л. Леонова. *Русская речь*, 2, 14-16.
- Люлько, Н. П. 1956. Стилистический анализ пьесы А. П. Чехова "Три сестры". *Ученые записки ЛГУ*, Н. 198, выпуск 24, 125-162.
- Милых, М. К. 1972. Чеховские ремарки. *Русская речь*, 4, 7-12.

- Мякшева, О. В. 1984. Некоторые особенности употребления обстоятельств места в разговорной речи и художественном диалоге. *Вопросы стилистики. Стилистические средства русского языка*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 108-116.
- Розенталь, Д. Э. 1968. Практическая стилистика русского языка. Москва: Высшая школа.
- Розенталь, Д. Э. 1984. Справочник по пунктуации. Для работников печати. Москва: Книга.
- Розенталь, Д. Э. 1998. Практическая стилистика русского языка. Москва: Издательство АСТ-ЛГД.
- Розенталь, Д. Е. — Голуб, И. Б. — Теленкова, М. А. 1994. Современный русский язык. Москва: Международное отношения.
- Розенталь, Д. Э. — Голуб, И. Б. 1997. Русский язык. Орфография и пунктуация. Москва: Айрис Рольф.
- Русская грамматика дд. 1980. Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва: Наука.
- Сиротинина, О. Б. — Максимова, М. Н. 1988. Сигнали разговорности в истории художественной речи. *Вопросы стилистики. Стилистика художественной речи*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 73-78.
- Учитель, Т. 1993. К вопросу о функционально-стилистической дифференциации сложноподчиненных предложений в современном русском языке. *Studia rossica posnaniensia. Zeszyt XXIII. Uniwersytet im. adama mickiewicza w poznaniu*, 145-152.
- Федоров, А. 1963. Язык и стиль художественного произведения. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Формановская, Н. И. 1978. Стилистика сложного предложения. Москва: Русский язык.
- Ширяев, Е. Н. 1986. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. Москва: Наука.
- Aaltonen, S. 1996. Kannibalismia ja verensiirtoja. *Teatteri*, 3, 16-18.
- Aaltonen, S. 1999. Ei käänöstää ilman tulkintaa. *Teatteri*, 7, 44.
- Ahlfors, B. 1996. Ord, ord, ord! Tankar kring det finlandssvenska scenspråket. *Språkvård*, 1, 20-26.
- Anon. 1983. Keskustelua. *Draaman käänämisestä*. (Toim. T. Lahdelma, U. Kovala, A. Ollikainen.) Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos monisteita 20, 19-24.

- Björnsson, C. H. 1968. *Läsbarhet*. Stockholm: Bokförlaget Liber.
- Björnsson, C. H. 1983. Readibility of newspapers in 11 languages. *Reading Research Quarterly, Volume XVIII/No. 4*, 480-497.
- Byström, J. 1973. *Grundkurs i statistik*. Örebro: Natur och kultur.
- Draama. Elämys. Kokemus. Kirjoituksia ilmaisukasvatuksen alalta. 1995. Toim. J. Lehtonen ja J. Lintunen. Jyväskylän yliopiston täydennyskoulutuskeskus ja opettajankoulutuslaitos.
- Dyfverman, H. 1962. *Dramats teknik*. Vägledning för författaren, teatermannen och publiken. Andra omarbetade upplagan. Stockholm: Natur och kultur.
- Ellonen, A. 1998. "Niin että jos vain kun ajattelenkin sinua". *Käännetyt illuusiot. Näytelmäkääntäminen suomalaisessa teatterissa*. (Toim. S. Aaltonen.) Vammala: Tampere University Press, 40-48.
- Gunnarsson, B.-L. 1984. Textens begriplighet — ett språkpragmatiskt problem. *Språkvård*, 2, 3-13.
- Hakulinen, A. — Karlsson, F. — Vilkuna, M. 1980. Suomen tekstilauseiden piirteitä: kvantitatiivinen tutkimus. Publications of the Department of General Linguistics, University of Helsinki, No 6.
- Häkkinen, K. 1993. Yleisen kielitieteen peruskurssi. Neljästoista, muuttamaton painos. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja.
- Ingo, R. 1990. *Lähtökielestä kohdekieleen. Johdatusta käänöstieteeseen*. Juva: WSOY.
- Jachnina, J. 1993. Om stilisering i översättning Eyvind Johnsons roman *Strändernas Svall* i rysk dräkt. (Svenskt sammandrag: B. Lönnqvist.) *Översättning som kulturoverföring. Rysk-svenska och svensk-ryska översättningsproblem*. (Red. B. Lönnqvist.) Åbo: Abo Akademi University Press, 46-52.
- Jänilä, M. 1984. Näytelmätekstin kääntämisestä. *Teatteri*, 7, 6-7.
- Jänilä, M. 1991. Kirjallisuutta ja teatteriteksti. Tutkimus näytelmien kääntämisestä esimerkkiaineistona Anton Tšehovin Kolmen sisaren suomennokset. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, N:o 12. Joensuun yliopiston monistuskeskus.
- Jänilä, M. 1996. Kääntäjä — kirjailijan sijainen. *Teatteri*, 3, 18-19.
- Jørgensen, N. — Svensson, J. 1987. *Nusvensk grammatik*. Upplaga 2. Stockholm: Liber.
- Korhonen, K. 1993. Tsehov — siirrettyjä tunteita. *Teatteri*, 4-5, 26-27.
- Launonen, H. 1972. Kvantitatiivista kirjallisuudentutkimusta: miten ja miksi? *Virittäjä*, 1972, 298-317.
- Ledin, P. 1999. Att sätta punkt. Hur elever på låg- och mellanstadiet använder meningen i sina uppsatser. 1999. *Språk och stil. Tidskrift för svensk språkforskning*, 8. Ny följd 1998. Uppsala, 5-47.

- Liljestrand, B. 1980. Strindbergs Mäster Olof -dramer. En studie i 1980-talets dramaspråk II. *Acta Universitatis Umensis Umeå Studies in the Humanities*, 30. Umeå: Umeå universitetsbibliotek.
- Lindberg, E. 1980. Beskrivande svensk grammatik. Under medverkan av Ove Oskarsson. Andra upplagan. Arlöv: Awe/Gegers.
- Lindström, G. 1973. Att läsa dramatik. Falköping: Gleerups.
- Linell, P. 1984. Människans språk. En orientering om språk, tänkande och kommunikation. Upplaga 2:2. Lund: Liber Förlag.
- Lyngfelt, B. 1995. Meningslängd och satskonnektion i Dagens Nyheter 1965-1994. MISS 7. Meddelanden från Institutionen för svenska språket vid Göteborgs universitet. Januari 1995. Göteborg: Göteborgs universitet.
- Mannila, M. 1983. Miten käänös syntyy. *Draaman käääntämisenestä*. (Toim. T. Lahdelma, U. Kovala, A. Ollikainen.) Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos monisteita 20, 4-18.
- Nordman, M. 1981. Stil och struktur i Jarl Hemmers En man och hans samvete. Akademisk avhandling. Meddelanden från stiftelsens för Åbo Akademi forskningsinstitut. Åbo: Åbo Akademi.
- Nyytäjä, O. 1988. Draaman käääntämisenestä. Suomentajan pyhä ja arkea. Studia generalia - luentosarja Kouvolan käääntäjänkoulutuslaitoksessa (syyskuu 1987 - helmikuu 1988). (Toim. A. Rantanen.) Kouvolan käääntäjänkoulutuslaitoksen julkaisuja N:o 3. Helsingin yliopisto.
- Nyytäjä, O. 1996. Ruumiinryöstöä ja ryhmäseksiä — teatterikäääntämisenestä. *Teatteri*, 1, 13-18.
- Peuranen, E. 1983. Puskinin Mozart ja Salieri -näytelmän käääntämisen esitöistä. *Draaman käääntämisenestä*. (Toim. T. Lahdelma, U. Kovala, A. Ollikainen.) Jyväskylän yliopiston kirjallisuuden laitos monisteita 20, 25-39.
- Pitkänen, A. J. — Kohonen, V. 1984. Johdatus kvantitatiiviseen kielentutkimukseen ja alan atk-sovelluksiin. Hämeenlinna: Gaudeamus.
- Soininen, M. 1995. Tieteellisen tutkimuksen perusteet. Turun yliopiston täydennyskoulutuskeskuksen julkaisuja A: 43.
- Sorvali, I. 1991. Studier i översättningsvetenskap. Andra, nästan oförändrade upplagan. Intititutionen för nordiska språk vid Uleåborgs universitet. Uleåborg.
- Strömquist, S. 1993. Våra skiljetecken i ett historiskt perspektiv. *Språk och stil. Tidskrift för svensk språkforskning*, 2. Ny följd 1992. Uppsala, 77-112.
- Strömquist, S. 1995. Semikolon. *Språkvård*, 2, 21-28.
- Svenska skrivregler. 1992. Utgivna av Svenska språknämnden. 1992. Uppsala: Almqvist & Wiksell Förlag.

- Särkilahti, S.-L. 1977. Tyylintutkimuksen kvantitatiiviset metodit. Suomen sovelletun kielitieteen yhdistyksen (AFinLA) julkaisuja, N:o 19. Turku: Turun yliopiston offsetpaino.
- Teleman, U. 1974. Manual för grammatisk beskrivning av talad och skriven svenska. Lundastudier i nordisk språkvetenskap, Serie C, Nr 6. Lund: Studentlitteratur.
- Teleman, U. — Hellberg, S. — Andersson, E. 1999. Svenska Akademiens grammatik 4. Satser och meningar. Uddevalla: Nordstedts Ordbok.
- Teleman, U. — Wieselgren, A. M. 1990. ABC i stilistik. Malmö: Liber.
- Thorell, O. 1982. Svensk grammatik. Andra upplagan. Stockholm: Esselte Studium.
- Vehmas-Lehto, I. 1999. Kopointia vai kommunikointia. Johdatus käänöstieteoriaan. Helsinki: Finn Lectura.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТАБЛИЦА 22 Количество слов предложений в русском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Три сестры	271	131	94	48	42	20	21	13	9	7	7	9	0	4	15
Вишневый сад	207	130	82	57	48	36	15	19	8	7	4	9	3	5	5
Дядя Ваня	151	98	53	46	26	18	8	13	13	3	3	3	2	4	1
Чайка	202	68	83	48	20	23	18	16	4	5	2	4	4	2	3
Всего	831	427	312	199	136	97	62	61	34	22	16	25	9	15	24

	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	31	32	35
Три сестры	1	2	1	1	1	1	0	0	1	2	0	1	0	0	1
Вишневый сад	3	3	2	2	1	1	0	0	0	0	0	0	2	1	0
Дядя Ваня	2	0	2	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Чайка	2	2	2	1	1	0	3	0	0	1	0	1	0	0	0
Всего	8	7	7	4	4	2	3	0	2	3	0	2	2	1	1

ТАБЛИЦА 23 Количество слов предложений в шведском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Tre systrar	204	133	91	63	46	42	20	21	16	13	11	9	7	5	4
Körsbärst räd-gården	170	104	89	54	56	39	30	20	16	13	10	8	8	5	6
Onkel Vanja	130	82	67	48	42	25	12	18	8	8	10	4	2	1	2
Måsen	150	82	78	46	44	34	22	16	11	10	11	3	4	1	1
Всего	654	401	32	21	18	14	84	75	51	44	42	24	21	12	13

	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	33	38	45
Tre systrar	2	3	2	1	2	0	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0	1	0
Körsbärst räd-gården	1	5	2	2	0	2	2	1	0	0	0	2	2	0	0	1	0	1
Onkel Vanja	4	0	0	1	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Måsen	2	3	3	1	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Всего	9	11	7	5	2	2	6	4	1	2	0	2	2	0	2	2	1	1

ТАБЛИЦА 24 Количество слов простых предложений в русском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	14	16
Три сестры	271	122	80	32	25	8	5	1	3	0	0	0	1
Вишневый сад	207	127	64	37	22	15	3	2	1	1	0	1	0
Дядя Ваня	151	96	49	38	16	7	2	0	3	0	0	1	0
Чайка	202	64	73	36	17	9	2	4	0	1	1	1	0
Всего	831	409	266	143	80	39	12	7	7	2	1	3	1

ТАБЛИЦА 25 Количество слов простых предложений в шведском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	15
Tre systrar	204	130	80	56	31	29	11	4	5	1	1	1	0
Körsbärsträdgården	170	102	81	43	34	22	13	6	2	1	0	0	0
Onkel Vanja	130	82	65	45	30	19	9	7	1	2	1	2	1
Måsen	150	80	70	44	36	19	9	10	3	0	2	0	0
Всего	654	394	296	188	131	89	42	27	11	4	4	3	1

ТАБЛИЦА 26 Количество слов сложных предложений в русском языке

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Три сестры	9	14	16	17	12	16	12	6	7	7	9	0	4	15
Вишневый сад	3	18	20	26	21	12	17	7	6	4	9	3	4	5
Дядя Ваня	2	4	8	10	11	6	13	10	3	3	3	2	3	1
Чайка	4	10	12	3	14	16	12	4	4	1	4	4	1	3
Всего	18	46	56	56	58	50	54	27	20	15	25	9	12	24

	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	31	32	35
Три сестры	0	2	1	1	1	1	0	0	1	2	0	1	0	0	1
Вишневый сад	3	3	2	2	1	1	0	0	0	0	0	0	2	1	0
Дядя Ваня	2	0	2	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Чайка	2	2	2	1	1	0	3	0	0	1	0	1	0	0	0
Всего	7	7	7	4	4	2	3	0	2	3	0	2	2	1	1

ТАБЛИЦА 27 Количество слов сложных предложений в шведском языке

	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Tre systrar	3	11	7	15	13	9	17	11	12	10	8	7	5	4	2
Körsbärsträd-gården	2	7	11	22	17	17	14	14	12	10	8	8	5	6	1
Onkel Vanja	0	2	3	12	6	3	11	7	6	9	2	2	1	1	4
Måsen	2	8	2	8	15	13	6	8	10	9	3	4	1	1	2
Всего	7	28	23	57	51	42	48	40	40	38	21	21	12	12	9

	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	33	38	45
Tre systrar	3	2	1	2	0	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0	1	0
Körsbärsträd-gården	5	2	2	0	2	2	1	0	0	0	2	2	0	0	1	0	1
Onkel Vanja	0	0	1	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Måsen	3	3	1	0	0	2	1	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0
Всего	11	7	5	2	2	6	4	1	2	0	2	2	0	2	2	1	1

ТАБЛИЦА 28 Количество слов предикативных частей сложных предложений в русском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	14
Три сестры	86	85	76	61	36	16	7	6	2	1	1	0	0
Вишневый сад	87	116	86	70	32	29	5	11	2	2	1	0	1
Дядя Ваня	30	45	49	43	18	11	7	2	1	1	0	0	0
Чайка	42	59	55	40	30	17	9	3	4	1	0	1	0
Всего	245	305	266	214	116	73	28	22	9	5	2	1	1

ТАБЛИЦА 29 Количество слов предикативных частей сложных предложений в шведском языке

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Tre systrar	45	52	72	66	50	28	28	9	7	2	1	0	0
Körsbärsträd-gården	30	87	70	72	56	31	28	15	5	9	1	2	2
Onkel Vanja	10	26	38	34	32	12	13	2	1	0	0	1	0
Måsen	20	43	43	72	44	26	11	5	5	2	2	1	1
Всего	105	208	223	244	182	97	80	31	18	13	4	4	3

ТАБЛИЦА 30 Количество предикативных частей в сложных предложениях в русском языке

	2	3	4	5	6	7	8
Три сестры	97	20	11	3	5	1	2
Вишневый сад	118	29	11	12	3	1	0
Дядя Ваня	57	19	5	2	0	0	1
Чайка	72	18	9	4	2	0	0
Всего	344	86	36	21	10	2	3

ТАБЛИЦА 31 Количество предикативных частей в сложных предложениях в шведском языке

	2	3	4	5	6
Tre systrar	110	27	8	3	3
Körsbärsträd-gården	128	28	11	5	0
Onkel Vanja	57	8	4	1	1
Måsen	83	16	6	0	1
Всего	378	79	29	9	5

ТАБЛИЦА 32 Комплексность предложений в русском языке

	A	B															
		B.1						B.2				B.3					
		B.2.1			B.2.		B.2.	B.3.	B.3.	B.3.	B.3.	B.3.2			B.3.	B.3.	B.3.
		2	3	4	5	6	2	3				3	4	5	6		
Три сестры	548	60	6	0	0	0	18	0	19	5	7	2	1	0	0	8	11
Вишневый сад	480	66	9	3	2	0	20	1	25	1	7	6	3	4	0	11	4
Дядя Ваня	361	11	8	0	0	0	27	0	12	1	1	7	0	1	0	8	2
Чайка	410	36	3	0	0	1	20	1	15	2	4	3	1	0	1	11	4
Всего	1799	17	26	3	2	1	85	2	71	9	19	18	5	5	1	38	21
	1799	205						87	71	9	19	29			38	21	
	1799	205						167				107					

ТАБЛИЦА 33 Комплексность предложений в шведском языке

	A	B															
		B.1						B.2			B.3						
								B.2.1	B.2.2	B.2.3	B.3.1	B.3.2			B.3.3	B.3.4	
		2	3	4	5	6		2	3			3	4	5	6		
Tre systrar	553	64	6	0	0	0	26	0	22	0	7	6	4	0	1	7	5
Körsbärst rädd gården	474	75	4	2	1	0	22	0	35	1	6	10	3	1	0	13	1
Onkel Vanja	394	24	4	1	0	0	33	0	1	0	1	2	0	1	0	3	2
Måsen	423	41	3	0	0	0	26	1	15	0	2	4	0	0	0	9	1
Всего	1844	204	17	3	1	0	10	1	73	1	16	22	7	2	1	32	9
	1844	225						108	73	1	16	32			32	9	
	1844	225						182			89						

ТАБЛИЦА 34 Придаточные предложения в русском языке

	Позиция придаточной части относительно главной части			Отношение придаточных частей друг к другу		Вид придаточной части	
	E	K	J	R	X	SL	LV
Три сестры	14	3	42	3	3	22	41
Вишневый сад	4	7	47	3	1	31	27
Ляля Ваня	7	2	16	1	0	7	20
Чайка	8	4	32	0	6	22	24
Всего	33	16	137	7	10	82	92
	186			17		174	

ТАБЛИЦА 35 Придаточные предложения в шведском языке

	Позиция придаточной части относительно главной части			Отношение придаточных частей друг к другу		Вид придаточной части	
	E	K	J	R	X	SL	LV
Три сестры	1	2	39	2	3	31	16
Вишневый сад	0	4	61	4	1	38	28
Ляля Ваня	0	0	6	0	0	1	5
Чайка	3	0	31	2	3	21	13
Всего	4	6	137	8	7	91	62
	147			15		153	